

DEUS IRAE

**ФИЛИП К. ДИК
И РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ**

ГОСПОДЬ ГНЕВА

**ФИЛИП
К. ДИК**

Филип К. Дик. Электрические сны

Роджер Желязны

Господь Гнева

«ЭКСМО»

1976

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Желязны Р.

Господь Гнева / Р. Желязны — «Эксмо», 1976 — (Филип К. Дик. Электрические сны)

ISBN 978-5-04-118393-6

После Третьей мировой войны служители культа Господа Гнева обожествили таинственного Карлтона Люфтойфеля, создателя оружия Судного дня, уничтожившего большую часть человечества. Но для поклонения нужен божественный образ, а Люфтойфеля никто и никогда не видел. И тогда первосвященники отправляют художника Тибора Макмастера в пустыню, чтобы найти Карлтона и запечатлеть на полотне. К несчастью для Тибора, оставшиеся в стране христиане не хотят, чтобы он преуспел в своей миссии, и готовы убивать, лишь бы лик так называемого Deus Irae по-прежнему оставался сокрытым. Галлюцинаторный квест в мире постъядерных пустошей поднимает вопрос о том, какую цену художник должен заплатить за искусство и как именно создаются боги.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-118393-6

© Желязны Р., 1976

© Эксмо, 1976

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Филип Дик, Роджер Желязны

Господь гнева

Philip K. Dick

Roger Zelazny

Deus Irae

Copyright © 1976, Philip K. Dick & Roger Zelazny

Copyright renewed © 2005 Laura Leslie, Christopher Dick, Isolde Hackett, Judith C. Zelazny,
Devin J. Zelazny, Trent Zelazny, Sharon A. Zelazny

© В. Задорожный, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Глава 1

Вот! Пегая коровенка, белая с черными пятнами, тащит инвалидное кресло – тележку на велосипедных колесах. А он на тележке, посередке.

Нежась в лучах утреннего солнца на пороге церкви, лицом на север, в сторону Вайоминга, отец Хэнди углядел на дороге церковного служителя – корова голштинской породы трусила по ухабам, и шишковатая голова безрукого и безногого тела моталась то из стороны в сторону, то взад-вперед, выплясывая сумасшедшую джигу.

«Неважнецкий день, – подумал отец Хэнди. – Предстоит сообщить Тибору Макмастерсу малоприятную новость».

Священник юркнул обратно в церковь, дабы оттянуть встречу. Однако Тибор его не заметил. Калека был погружен в свои думы, к тому же его мутило – Макмастера всегда мутило перед началом работы. Видать, муки творчества. К горлу подступала тошнота, и донимал надсадный кашель. Угнетал всякий запах, любой вид – даже вид собственной картины.

Отец Хэнди всякий раз дивился этому утреннему бунту тиборовских чувств – как будто калека охотно бы помер в течение ближайших суток.

Что до священника, то он безмятежно радовался солнышку, согревавшему их Шарлоттсвилль, городок в штате Юта. Воздух в церкви был напоен горячим ароматом высокого клевера, растущего на окрестных пастбищах. Вдалеке позвякивали колокольцы на шеях коров...

Одно скребло душу посреди этой гармонии – не столько вид Тибора, сколько соощущение страданий.

Вон, позади алтаря, малая толика его работы – та, что уже закончена. Лет пять понадобится Тибору для ее завершения. Но что время в делах такой важности? Ведь это сотворится навечно... «Впрочем, нет, – подумалось отцу Хэнди, – се есть дело рук человеческих, а потому тлену обречено – это делается на века, для череды поколений».

Еще одно «впрочем» – это дело не рук. Иерархами решено было доверить сие работнику, «коего телесное состояние не позволяет преклонить колени или сотворить крест», то бишь безрукому и безногую. А коли не справится один, ему вослед придет другой безрукий-безногий, покуда работа не будет завершена.

– Му-уууууу, – басовито отозвалась голштинка, когда Тибор, при помощи сделанной в Штатах айсибиэмовской системы экстензоров, натянул поводья и осадил свою скакунью на заднем дворе церкви, где ржавел без дела, со спущенными шинами, принадлежащий отцу Хэнди «Кадиллак» выпуска 1976 года, облюбованный в качестве насеста смешными милыми крохами – золотистыми цыплятами. Это мексиканское отродье светилось в темноте и немилосердно гадило...

«Ну и ладно, пусть себе гадят. Маленькая стая прелестных засранцев – потомков достойного Герберта Джи, который во время оно заклевал насмерть всех своих соперников и утвердился в роли патриарха. Был всем петухам петух! – с грустью припоминал его отец Хэнди. – Ныне Герберт Джи покоится в саду, где плоть его дожирают червяки да жуки. Жуки-мутанты. Жирные, как не знаю что».

Священник на дух не переносил этих жуков – поразвелось тварей! Вон их сколько – и таких разных – прет отовсюду... Так что он души не чаял в любых жукоедах и всем сердцем любил своих пернатых друзей. Птиц, смешно сказать, любил, а вот людей...

Но люди иногда являлись. Неизменно – во вторник, в день церковного праздника, уставленного (сознательно, нарочито) взамен устаревшего христианского воскресенья.

Отец Хэнди, находясь внутри здания, в жилой пристройке, нутром чувствовал, как на заднем дворе Тибор распрягает свою голштинку. Затем инвалидная коляска своим ходом, благодаря электромотору, катит в церковь – по специально сооруженному деревянному настилу.

А сейчас калека, порывивая, берет себя в руки – экие злые шутки играет язык, когда говоришь о калекке! – иначе говоря, собирается с духом, готовясь продолжить прерванную вчера на закате работу.

Отец Хэнди обратился к своей супруге Или:

– Будь добра, позаботься о горячем кофе для него.

– Хорошо, – ответила та.

Смирная пигалица, сухонькая и морщинистая. Не без брезгливости он наблюдал за движениями ее бессочного, дряблого тела, покуда она покорно доставала чашку и блюдце, – без любви делает, без тепла в душе, верная служанка своего мужа – и не более чем служанка.

– Доброе утречко! – весело крикнул Тибор.

Это в нем чуть ли не профессиональное – быть всегда веселым, даром что на душе кошки скребут и подташнивает от тоски.

– Черный, – сказал отец Хэнди. – Горячий. Уже готов.

Он посторонился, чтобы громоздкая тележка проехала по коридорчику в церковную кухню.

– Утро доброе, миссис Хэнди! – сказал Тибор.

Не оглядываясь – не любила она глядеть на калеку, Или Хэнди прошуршала:

– Доброе утро, Тибор. Мир тебе, и да пребудет с тобой Дух Святой.

– Мир или мор? – спросил Тибор, подмигивая отцу Хэнди.

Ответа не последовало – смирная пигалица прилежно хлопотала по хозяйству.

«Какие только формы не принимает ненависть, – думал отец Хэнди, глядя, как жена берет молоко с холода. – Сколько бывает оттенков и оттеночков в скрытом недружелюбии!»

Сам он любил ненависть откровенную – ее легко выплеснуть, извергнуть... А чтобы вот так – только через отсутствие ласки, через официальный тон...

Тибор приступил к сложному для него процессу питья кофе.

Перво-наперво, чтобы коляска не ерзала, Тибор ставил ее на тормоз. Затем с помощью нехитрого соленоидного переключателя, нажимая подбородком на кнопки пульта дистанционного управления, он переводил батарею на жидком гелии из режима обслуживания мотора тележки в режим постоянной работы манипуляторов-экстензоров. Аккуратного вида алюминиевые гидравлические манипуляторы удлинились, и на их конце через воротца выскакивали шесть механических пальцев, соединенных тяжами с мускулами плеча. Сейчас эти пальцы пришли в действие и приподняли со стола пустую чашку. Тибор вопросительно уставился на хозяйку.

– Кофейник на плите, – промолвила Или с выразительной ухмылкой.

Пришлось снять тележку с тормоза, проехаться к плите, снова жать подбородком на кнопки – обездвигивать кресло на велосипедных колесах и оживлять манипуляторы. Наконец кофейник оказался в шестипалом экстензоре. Алюминиевый манипулятор поднимал его рывочками, придрагивая, словно рука страдающего болезнью Паркинсона. Однако айсибиэмовская чудо-техника позволила наполнить чашку, почти не пролив кофе.

Отец Хэнди горестно крякнул и сказал:

– Не присоединяюсь к тебе, ибо сегодня ночью и давеча утром страдал желудочной коликой.

Он чувствовал себя физически разбитым. «Даром что у меня полный комплект членов, нынче с утра мне не лучше твоего – железы и гормоны как взбесились!»

Священник закурил сигарету – первую на сегодня. Затянувшись слабоватым, но настоящим табачком, он ощутил некоторое облегчение: клин клином вышибают – этот яд снижал содержание в крови прочих ядов.

Отец Хэнди приободрился, сел за стол напротив Тибора, который с неизменной развеселой улыбкой безропотно отхлебывал не в меру горячий кофе.

Однако, однако...

«Порой невнятная физическая боль есть наше предвиденье неприятностей, – думалось отцу Хэнди. – Не потому ли я так разбит с самого утра? И не потому ли так плохо тебе, Тибор? Твоя улыбочка меня не обманывает. Предчувствуешь, чем я тебя огорошу – точнее, обязан огорошить? А выбирать мне не приходится, потому как я червяк, фитюлька – что прикажут, то и делаю. Один день в неделю, по вторникам, во время проповеди, моими устами глаголет истина – впрочем, и дня мне не дано, а только какой-то час».

– Ну, Тибор, – сказал отец Хэнди, – *wie geht es heute?*

– *Es geht mir gut*¹, – незамедлительно отозвался Тибор.

Обычно они с наслаждением предавались воспоминаниям и вели ученые диалоги на немецком языке, охотно тревожа тени Гете и Гейне, Шиллера, Кафки и Фаллады. Оба жили для этого и этим. Теперь, когда только назревала очередная долгая работа, их общение носило характер почти священного ритуала, приготавливая духовную почву для работы. Когда же художник с головой уходил в работу, для бесед оставались только густые сумерки – за невозможностью долго рисовать при жидком свете керосиновых ламп или церковного камина. «Никудышное освещение, – временами жаловался Тибор и, привыкший преуменьшать свои горести, добавлял: – От него глаза подустают».

На самом же деле ему грозило превеликое несчастье: ежели, не приведи господь, зрение испортится, ни очков, ни специалиста по их изготовлению он не сыщет. Насколько было известно отцу Хэнди, на просторах Вайоминга и Юты в последнее время не найти ни одной линзы.

А коли возникнет острая нужда в очках, Тибору придется отправиться в странствие. Отец Хэнди и думать не хотел об этом – чаще всего церковные служащие, насильно отправленные в путешествие, так и не возвращались. Причина их невозвращения оставалась загадкой: может быть, они оставались, потому что в других очагах цивилизации было лучше... Или их не отпускали обратно из мест, где было еще хуже? Судя по сообщениям радио – новости передавали ежедневно в шесть часов вечера, – в некоторых районах было лучше, в других хуже.

Теперь мир был дискретным, состоял из множества островков цивилизации. Все связи между ними были разрушены. Те самые связи, которые создавали прежнее хваленое повсеместное «единообразие».

– «Ты понимаешь?» – речитативом пропел отец Хэнди строчку из «Руддигора».

Тибор тут же прекратил пить кофе и пропел в ответ следующую строку:

– «Пожалуй, понимаю. Всенепременно долг исполнить надо!»

Он даже поставил чашку обратно на стол, защелкав своими манипуляторами.

– «Закон относится ко всем...» – продолжил отец Хэнди.

Как бы про себя, с подлинной горечью, Тибор допел:

– «...кто уклониться от него не смог!»

Он повернул голову в сторону священника и уставился на него долгим взглядом, нервно облизывая губы.

– В чем, собственно, дело? – наконец спросил калека.

«А дело в том, – подумал отец Хэнди, – что я несвободен; я частица большой системы – последнее звено цепи, которое ходит ходуном, приплясывает и гоношится, когда всю цепь дергают там, вверху, на другом конце. Мы веруем, сам знаешь, что на том конце обретается Нездешнее, коего смутные распоряжения мы честно стараемся понять и выполнить, ибо верим – знаем! – что его хотения не просто непреложны, но и справедливы».

– Мы не рабы, – произнес он вслух. – Хотя все мы – слуги. Мы вольны оставить службу. И ты – тоже. Даже я мог бы покинуть свой пост, если бы посчитал нужным. – «Но этого не сде-

¹ «Как поживаешь сегодня?» – «Отлично» (нем.).

лаю – давным-давно принял окончательное решение и связал себя самого тайной клятвой». – Вот ты, зачем ты здесь работаешь?

Тибор ответил с осторожностью:

– Ну, потому что вы мне платите.

– Плачу, но не принуждаю.

– Есть-то надо. Какой я никакой, а пишу потребляю.

Отец Хэнди произнес приподнятым тоном:

– Нам ведомо, что ты мог бы без труда найти работу – где угодно и какую угодно. Твоим талантам всюду найдется применение, даром что ты... увечный.

– Дрезденская оратория, – вдруг произнес Тибор.

– А? Что? – растерялся священник.

– Как-нибудь, – сказал Тибор, – подключите генератор к электронному органу, я сыграю вам ее, и вы ее узнаете. Дрезденская оратория, она поднимает дух. Она указывает горе. Туда, в высь небесную, откель вас взашей выгнали.

– О, совсем не так! – запротестовал отец Хэнди.

– О, совсем так! – ядовито возразил Тибор, и его исхудалое лицо пошло морщинами от разом закипевшей ярости, ибо дело касалось кровных его убеждений. – Пусть оно и «доброе», это ваше милосердное могущество. Все равно оно *вынуждает* вас делать некоторые вещи, которым и название подыскивать нет охоты. Скажите мне прямо: мне что, надо закрасить уже нарисованное? Или заказ на фреску отменяется вообще?

– Нет, речь идет о завершающей части фрески. Уже сделанное – великолепно. Мы послали цветные снимки на тридцатимиллиметровой пленке. От них пришли в восторг. Ну, сам знаешь кто – Попечители Церкви.

Тибор задумчиво произнес:

– Чудеса! Можно добыть цветную пленку, можно где-то проявить ее... А вот газет больше нет и в помине.

– Велика беда! Слушай радио – последние новости передают в шесть вечера, – наставительно сказал отец Хэнди. – Вещают из Солт-Лейк-Сити.

Он уповал, что Тибор подхватит разговор. Но ответной реплики не последовало. Человек-обрубок помалкивал и сосредоточенно пил кофе.

Тогда отец Хэнди спросил:

– Знаешь, какое самое древнее слово в современном английском языке?

– Нет, – коротко отозвался Тибор.

– Могущество, – торжественно произнес отец Хэнди. – Ему соответствует немецкое слово «macht»². Однако слово «могущество» восходит даже не к прагерманскому. Его происхождение еще древнее – от хеттского языка!

– Гм, гм.

– Исходное слово – «mekkis», то есть «сила».

Тут отец Хэнди опять сделал паузу, чтобы Тибор поддержал разговор. Не дождавшись ответной реплики, он вдруг пропел двустихье из моцартовой «Волшебной флейты»:

– «Что ж приумолкла ты? Пристало женщинам болтать, мужчинам же – делами заниматься!»

Тибор угрюмо отозвался:

– А разве это не вы болтаете?

– Что ж, я лясы точу, а делами заниматься предстоит тебе, – вздохнул отец Хэнди. – Что-то я хотел сказать... Ах да, баран!

На пятиакровом пастбище, за церковью, паслись шесть его овец.

² Английское слово «might» – могущество – созвучно немецкому «macht».

– Вчера Теодор Бентон одолжил барана для моих овец, – сказал отец Хэнди. – Баран староват, с седой бородкой... Ну так вот, прибежала собака, этот рыжий ирландский сеттер Йейтса, и попробовала напасть на стадо. Да ты видел этого сеттера – он что ни день гоняет моих овец.

Калека неожиданно заинтересовался и поднял голову:

– Ну и что баран?

– Собака пять раз приближалась к стаду. И пять раз баран начинал медленно-медленно двигаться в сторону собаки, оставляя стадо за своей спиной. Собака, разумеется, тут же останавливалась, когда замечала, что баран направляется к ней. Ей не хотелось познакомиться с его рогами. А баран тоже останавливался – и делал вид, что пасется. – Отец Хэнди улыбнулся, припоминая эту сцену. – Что за умница старик! Я видел, как он пасется, а один глаз косит на собаку. Собака то лает, то скулит, а он знай себе пощипывает травку. Тут собака начинает опять красться к овцам. Баран начеку и двигается в ее сторону. Собака останавливается... Но в последний раз собака применила другую тактику – ринулась вперед бегом. И оказалась между бараном и овцами.

– И стадо начало удирать?

– Да. А собака – ну, ты сам знаешь их повадки, они это умеют – валит овцу, а потом убивает ее или калечит и первым делом полосует ей брюхо, выворачивает внутренности. – Отец Хэнди помолчал. – Ну так вот, про этого барана. Он очень старый. Он не мог догнать собаку и заступиться за овец. Он просто повернулся и смотрел на происходящее.

Оба собеседника какое-то время задумчиво молчали.

– А способны ли они думать? – спросил Тибор. – Я имею в виду баранов.

– Понятия не имею. Зато знаю, о чем думал я. Хотел бежать за ружьем. Чтоб убить собаку. Я должен был ее убить.

– Будь я на месте барана, – сказал Тибор, – и мне довелось бы наблюдать, как собака пробегает мимо меня и накидывается на овец, а я мог бы только наблюдать...

Он растерянно замолчал.

– Ты бы подумал: «Лучше бы мне умереть, чем вот так стоять!..»

– Вот именно.

– Стало быть, смерть действительно иногда благо, как мы учим Служителей Гнева. А не зло, как учат христиане. Помнишь, как в послании Павла: «Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?»³ Надеюсь, ты улавливаешь мою мысль?

Тибор медленно произнес:

– Вы хотите сказать: не можешь выполнить свою работу – лучше умри... И какую работу должно исполнить мне?

«На фреске, – подумал отец Хэнди, – тебе предстоит изобразить Его лик».

– Его, – сказал он. – Как он выглядит.

Тибор на какое-то время ошеломился. Потом спросил:

– Вы хотите сказать – изобразить Его в точности так, как Он выглядит?

– Нет, – ответил отец Хэнди, – дать свое видение.

– У вас что – есть фотография? Или видеоматериал?

– Мне дали фотографию, чтобы показать тебе.

Тибор ошарашенно уставился на него.

– Вы это серьезно? У них есть фотография Господа Гнева?

– У меня есть трехмерное фото – то, что до войны называли голографией. Это не фильм, но для дела, думаю, достаточно.

– Дайте взглянуть.

³ Первое послание к Коринфянам, 15:55.

В голосе Тибора мешалось удивление, страх и оскорбленное чувство художника, которому слишком грубо указывают, что и как делать.

Отец Хэнди сходил в свой кабинет и вернулся с папкой, из которой он достал трехмерную фотографию Господа Гнева и протянул ее Тибору. Тот ухватил ее механическими пальцами.

– Се наш Господь, – торжественно изрек отец Хэнди.

– Да, вижу, вижу, – закивал Тибор. – Какой изгиб черных бровей. Какие завитки смоляных волос... А глаза! Вижу в них боль... Но он же улыбается!

Внезапно его экстензор вернул фотографию священнику.

– Нет, я с этого рисовать не стану.

– А почему?

Но отец Хэнди отлично понимал резонность тиборовского «нет»: фотография ни в коей мере не схватывала божественной сущности; это был снимок *человека* – просто человека. Да и странно было бы, если бы кусок целлулоида, покрытый нитратом серебра, мог уловить таинство божественной сущности.

– Эта фотография была сделана, – сказал отец Хэнди, – во время пира на открытом воздухе на Гавайях. Он вкушал местное блюдо из осьминога и курицы с листьями таро. Наслаждался жизнью. Видишь это жадное выражение разыгравшегося аппетита – как неестественно искажены черты Его лица сим чисто плотским чувством! Он отдыхал воскресным полуднем перед произнесением речи на факультете тамошнего университета – не помню названия. Это было в счастливую пору шестидесятых годов.

– Вы сами виноваты в том, что я не могу выполнить работу, – пробурчал Тибор.

– У плохого мастера всегда инструмент виноват.

– Вы не мой инструмент, – ответил калека. Опустив манипуляторы на сиденье тележки, он добавил: – Вот мои инструменты. Я их не виню. Я ими пользуюсь – как могу. А вы... вы мой наниматель. Вы ставите передо мной огромную задачу, но даете один паршивенький цветной снимок. Да разве я могу?..

– Странствие. Попечители Церкви постановили так: если фотографии недостаточно – а это так, и все мы отлично это понимаем, – тогда ты должен отправиться в странствие и путешествовать, пока не найдешь Господа Гнева. Они прислали письменное распоряжение на этот счет.

Тибор изумленно замигал. Таращась на отца Хэнди, он запротестовал:

– Но моя метабатарей! А ну как она выйдет из строя в дороге!

– В этом случае вини свой инструмент, – произнес отец Хэнди. Величаво-спокойная интонация этой фразы далась ему не без труда.

Или подала голос от плиты:

– Уволь его. Пошли к черту.

– Я никого не увольняю, – обратился к ней с укором отец Хэнди. – И посылать к черту – это очень по-христиански. Пора бы тебе запомнить: у нас нет понятия ада и чертей!

Вслед за этим он повернулся к Тибору и произнес величайшие стихотворные строки всех времен и народов, коих общий смысл оба мужчины улавливали, но коих скрытая суть ускользала от них, как рыба у того рыбака, что взял на ловитву сеть со слишком крупной ячеей.

Отец Хэнди произнес эти слова во весь голос, яко соединяющие их с Тибором за тем, что *те*, христиане, величали вечерея любви. Но в этих строках был явлен смысл более высокий: в них была Любовь, Человек и Красота – новая Троица.

Ich sih die liehte heide
in gruner varwe stan.
Dar suln wir alle gehen,
die sumerzit enphahen.

После того как священник это произнес, Тибор солидно кивнул и снова занялся сложным процессом поднесения чашки к своим губам. Когда хитрый механизм установил чашку в нужном положении, калека-художник стал медленно отхлебывать кофе. В комнате воцарилась тишина. Даже Или, представительница болтливой части человечества, хранила молчание.

Снаружи громко сопела и недовольно пофыркивала, переминаясь с ноги на ногу, пегая коровенка, возящая тиборовскую тележку. «Наверное, ищет чего поесть, – подумал отец Хэнди, – и ничего не находит. Ей пища нужна только для тела, нам нужна пища и для души. Иначе помрем. Нам никак нельзя без этой фрески. Придется Тибору совершить странствие длиной в тысячу миль – а ежели его голштинка падет в дороге или батарея перестанет работать, тогда и мы погибнем вместе с ним – *«в смерти не пребудет один»*.

Он мог только гадать, ведомо ли это самому Тибору. Ах, если бы знание этого помогло Тибору! Но скорее всего не поможет.

Поэтому отец Хэнди промолчал. В этом мире ничто не помогает.

Глава 2

Ни тот ни другой не ведали, кто был автором этого старинного стихотворения на средневековом немецком языке, для перевода которого имевшийся у священника современный словарь был непригоден. На пару они все же перевели четверостишие – где догадались, где восполнили пробел воображением, где провели логическое дознание. Хотя дословный перевод не удавался, они были уверены, что улавливают общий смысл. Глядя на их потуги, Или насмешливо фыркала.

Там было что-то про чашу, которая стоит под палящими лучами солнца, однако каким-то дивным образом продолжает ярко зеленеть. И выходило, что всем нам предстоит направиться туда... в *самом скором времени*? Указан срок – летом. Но что случится летом? Мы туда отправимся летом? Или летом прибудем туда?

Отец Хэнди и Тибор *чувствовали* итоговую правду, абсолютную истину этих слов, но, по своему невежеству и отсутствию источников, на которые можно опереться, приходилось домысливать. И лето в их сознании становилось временем, когда предстоит выйти и прийти – отправиться в путешествие в этот иссушенный солнцем лесной край и достичь конечной цели, конечного обретения. Они – опять-таки нутром – ощущали, что обретение жизни и уход из жизни одномоментны, тем не менее разумно объяснить сей феномен не могли, а потому он пугал их. Однако они раз за разом возвращались к этой теме, ибо не достигали понимания – быть может, это непонимание и было бальзамом для них, благодатным спасением, и разговор они заводили ради того, чтобы лишний раз подтвердить наличие благодати непонимания.

«Теперь, – думал отец Хэнди, – мы с Тибором нуждаемся в *tekkis* – силе, что снизойдет с Неба и пособит нам...»

В этом пункте Служители Гнева сходились с христианами: благая сила сосредоточена на Небесах, на *Ubrer Sternenzelt*, по выражению Шиллера, то есть после звездного шатра. Зная современный немецкий язык, они точно понимали смысл шиллеровского выражения – горные высоты располагаются выше звезд.

«А вообще-то странно целиком полагаться на четверостишие, значение которого остается темным, – размышлял отец Хэнди, разворачивая старую карту с указанием всех бензозаправочных станций вдоль дорог – такие карты до войны раздавали автомобилистам бесплатно. – Все эти бесчисленные бензоколонки – не знаки ли это беды, не признак ли сползания человечества в пропасть маразма? Да, времена мечены расцветом дурного – не то чтобы те времена были паршивые, мы сами были гадкими, дурными – зло гнездилось в нас».

Сейчас он совещался с Доминусом Маккомасом – своим начальником, согласно иерархии Служителей Гнева.

Доминус восседал перед ним – большой, не холодный и не горячий⁴ – и скалил до странности крупные зубы. Казалось, зубы даны ему как атрибут профессии и он трудится преимущественно ими, готовый в клочья изорвать все живое и неживое, что попадает в поле его зрения.

– Карл Люфтойфель, – сказал Доминус Маккомас, – был настоящий сукин сын. Если говорить о его человеческой ипостаси.

Он поторопился присовокупить это уточнение, ибо негоже выражаться подобным образом о божественной части Господа Гнева, богочеловека.

– И бьюсь об заклад два к одному, – продолжил Маккомас, – что он использовал *сладкий* вермут для мартини.

– А вы сами пили когда-нибудь сладкий вермут – чистый или со льдом? – осведомился отец Хэнди.

⁴ Библейская ассоциация. Не холодный и не горячий – одно из самых жестких обвинений в Библии.

– Сладенькая моча, – громыхнул Маккомас своим жутким придушенным баском, упоенно ковыряя между зубами кончиком спички. – Я не преувеличиваю. То, что они закупили, ничуть не лучше лошадиной мочи.

– Мочи лошадей, страдающих диабетом, – уточнил отец Хэнди.

– Да, тех, что мочатся одним сахаром! – хохотнул Маккомас.

В его круглых глазах на мгновение заплясали чертики. Обычно же эти глаза источали опасность; блудливые и переменчивые, постоянно не то чтобы налитые кровью, а красноватые – наподобие металла в месте короткого замыкания. Подобный как бы расхристанный взгляд и вечно не более чем до половины застегнутая ширинка были характерными особенностями маккомасовского облика.

– Стало быть, ваш богомаз, – скрипучим баском продолжил Маккомас, – отправляется в Лос-Анджелес. На своих двух... колесах. Надеюсь, маршрут под горку?

На этот раз он расхохотался всерьез, так что обрызгал слюной полстола. Сидящая в уголке комнаты Или подняла глаза от вязания и глянула на Маккомаса с таким откровенным презрением, что отец Хэнди даже заерзал на стуле от неловкости и нарочито углубился в изучение засаленной дорожной карты.

– Карлтон Люфтойфель, – ни к кому не обращаясь, задумчиво произнес отец Хэнди, – был председателем Комиссии по разработке новых видов энергии с 1982 года и вплоть до начала войны. На самом же деле они трудились над созданием ГРБ.

Он замолчал, рассеянно водя пальцем по карте.

Да, Карлтон Люфтойфель был отцом ГРБ – глобальной рассредоточенной бомбы, которая предназначалась не для взрыва в определенном месте Земли, а для тотального заражения одного из слоев атмосферы.

Согласно тогдашним воззрениям военных теоретиков – до Третьей мировой войны, у этой бомбы были громадные преимущества. Ее нельзя было уничтожить подобно тому, как ракеты сбивали антиракетами, – когда даже самые быстрые бомбардировщики (а к 1982 году бомбардировщики летали с фантастическими скоростями) истребляли при помощи, смешно сказать, бипланов. Да-да, тихоходных бипланов с летчиком-камикадзе.

Эти чудо-бипланы появились в 1978 году. Серийное название – «Заслон-III». Что-то вроде громадного рукотворного пеликана, в брюхе которого немислимое количество топлива. Аппарат петлял и кружил низко-низко над землей на протяжении многих месяцев, а пилот жил в его кабине так же естественно, как наши пращуры на деревьях.

На биплане «Заслон-III» имелась высокоэффективная аппаратура слежения, которая засекала пилотируемый бомбардировщик на любой высоте – даже на самой немислимой. «Заслон-III» начинал стремительно подниматься в верхние слои атмосферы еще тогда, когда самолет противника находился за тысячу миль от него. Подъем осуществлялся за счет интенсивного выброса сжатого газа из сопла между крыльями. Пилот «Заслона-III» мог почти в мгновение ока поднять аппарат в безвоздушное пространство и врезаться в бомбардировщик противника. На борту находилось более чем достаточно приборов, которые исключали возможность разминуться с целью. В итоге погибали трое – пилот биплана и два пилота бомбардировщика. Три человека – вместо миллионов. Город, который был обречен на гибель, как ни в чем не бывало жил прежней суетливой жизнью, зажигал огни и матерился в автомобильных пробках...

А тем временем над американской землей продолжали нести непрерывное дежурство десятки других аппаратов серии «Заслон-III» – месяц за месяцем, опускаясь на землю для дозаправки по скользящему графику. Они кружили над просторами страны подобно некоторым стервятникам, которые, кажется, всю жизнь проводят в поднебесье.

Однако эта идиллия не могла продолжаться вечно. И действительно она закончилась довольно быстро.

Антиракеты и аппараты серии «Заслон-III» эффективно отражали удары противника некоторое время, оттягивая последний ужас, но День Гнева все же наступил.

Наступил для всей планеты, ибо ГРБ – гнусное роковое безумие – никого не помиловала.

Карлтон Люфтойфель взорвал свою негодяйскую бомбу на околоземном спутнике на расстоянии пяти тысяч миль от Земли.

По расчетам каких-то недоумков, США должны были выйти сухими из воды: предполагалось, что Соединенные Штаты и дальше будут цвести, неким мистическим образом огражденные от всеобщей гибели. Очевидно, уповали на карнавальные шапочки, выданные под Рождество всем патриотически настроенным гражданам. Под видом карнавальных шапочек американцев снабдили аппаратиком, который, будучи надет на голову, вводил прямо в вену головного мозга вещества, восстанавливавшие стремительно гибнущие красные кровяные тельца. Но этих шлемов, которые напоминали небольшой пылесос, почему-то надеваемый на голову, – этих спасительных шлемов, разумеется, на всех не хватило. Многие так и сгнули, не успев его получить во время той жуткой эпидемии неизлечимой *Krankheit* – как бишь это по-английски? – да, болезни. Впрочем, и та фирма, что продала Пентагону и Белому дому огромное количество этих карнавальных шапочек, исчезла, словно ее и не было. И не потому, что ядовитые осадки разъели спинной мозг ее сотрудников. Они погибли от прямых попаданий ракет с ядерными боеголовками. Как ни шустрила американская ПВО, как ни металась в небе над страной антиракеты – все равно через систему тотальной защиты прорвалось более чем достаточно ракет противника.

Один мудрый человек сказал: быстрее всех бежит тот, кто не оглядывается. Ракеты Китайской Народной Республики явно не оглядывались. Вопреки расчетам американских ученых, китайские ракеты решительным образом не пожелали любезно повременить у границ США и подставить свою оперенную задницу для пинка американским ракетам. Миллионы китайцев сыграли в ящик, так и не узнав радостной новости, что ракеты, произведенные на их полкустарных подземных фабриках из металла, сваренного в доменках на задних дворах крестьянских домов, оказались вполне эффективны: их качество заслужило бы одобрительные кивки научных светил Америки – не будь эти светлые головы оторваны этими самыми ракетами.

«Но кто скажет, – заключил отец Хэнди свои горестно-иронические воспоминания, – какое из примененного оружия было самым омерзительным, самым «грязным»?»

Проглядывая еще несколько дорожных карт – таких же засаленных и протертых на сгибах, он думал:

«ГРБ, созданная под началом Господа Гнева, была ответственна за большую часть смертей – эта бомба угробила примерно миллиард землян. Однако ГРБ, детище Карлтона Люфтойфеля, ныне обожествленного под именем Господа Гнева, не была самым мерзостным оружием, даром что оказалась главным убийцей».

Нет, по мнению отца Хэнди, гнуснее всего был другой вид оружия. Хотя от него погибло «всего лишь» несколько миллионов человек, именно этот способ массового убийства произвел самое угнетающее впечатление на отца Хэнди. Эта штукавина сияла и воняла, как дохлая макрель в лунном свете, по выражению одного американского конгрессмена. Подобно ГРБ, эта жуть состояла на вооружении армии США.

Разновидность отравляющего вещества нервно-паралитического действия. А действие было такое – клетки одних внутренних органов человека пожирали клетки других внутренних органов.

– Ладно, – пророкотал Доминус Маккомас, по-прежнему ковыряясь в своих лошадиных зубах, – если ваш богомаз справится с заданием, я буду только рад. На месте Попечителей Церкви мне было бы до одного места, в какой мере-степени нарисованный Люфтойфель ока-

жется похож на себя. Меня бы устроила любая самоуверенная заплывшая жиром порочная рожа – ну, что-то вроде упоенной морды свиньи, когда она нежится в луже грязи.

В этот момент его собственная рожа балдеющей в грязи свиньи сияла таким самодовольством, что отцу Хэнди невольно подумалось: «Вот его бы лицо да на фреску».

Как ни странно, Господь Гнева рисовался воображению именно таким – точной копией Маккомаса... Однако с цветного снимка глядели исполненные затаенного страдания глаза человека, у которого в глубине души страшный разлад – до того страшный, что он замечен даже в тот момент, когда человек упивается жареным цыпленком под экзотическим соусом – с традиционной гавайской гирляндой цветов на шее и юной девицей по правую руку от него (пусть и не красавицей)... У мужчины на фотографии были густые блестящие спутанные волосы. Щеки отливали синевой, хотя было заметно, что он недавно тщательно выбрился. Эта синева – подкожная темнота там, где росла борода, – не была его виной, но была – знаком. Знаком чего? Темнота, тьма не есть зло. Именно тьму имел в виду Мартин Лютер, когда начинал перевод «Бытия» – первой книги Моисеевой – словами: «Und die Erde war ohne Form und leet»⁵. «Leet» – «пуста». Вот эта-то пустота и есть – тьма. «Leet» созвучно английскому слову «layer»...⁶ Да, слой негативной пленки – если на нее попадет свет, то в результате химической реакции она станет совершенно мутной, обретя качество полной пустоты, глаукомной слепоты. Что-то вроде эдиповых странствий – все, что он видел, точнее, не сумел увидеть. Глаза его не утратили способность видеть – просто были безнадежно зашорены чем-то вроде мембраны. Вот почему отец Хэнди не ненавидел Карлтона Люфтойфеля – миллиард погибших от ГРБ отошел в мир иной не столь ужасно, как те миллионы, которых американский нервно-паралитический газ обрек на самопожирание.

А впрочем, все это положило конец бойне. После выпадения смертельно ядовитых осадков силы для ведения войны истощились. Война закончилась за недостатком вояк. «De mortuis nil nisi bene», – подумал отец Хэнди, – то есть о мертвых только хорошее. А что хорошее о них можно сказать? Ну хотя бы это: вы умерли из-за идиотов, которых сами избрали себе в правители и защитники и в сборщики умопомрачительных налогов. Остается только гадать, кто был дурее – избранники или избиравшие? В итоге погибли и те и другие. И Пентагон, и Белый дом, и такие прочные убежища для особо важных персон – от них и руин не осталось, развеялись пылью... Нет, de mortuis nil nisi malum, – мысленно исправил он древнюю мнимую мудрость, – о мертвых только плохое. Так-то оно ближе к жизни. Покойники были дураками – их непроходимая глупость достигала истинно сатанинского масштаба!»

Инертность человеческого стада была просто-таки восхитительна! Почитывали газетки и таранились в ящик для дураков и пальцем о палец не ударили даже после того, как Карлтон Люфтойфель в 1983 году произнес в Шайенне свою программную речь, которую журналисты окрестили «Речью о ложной магии цифр». В этом выступлении Карлтон Люфтойфель без обиняков заявил следующее: великим заблуждением является то, что для выживания нации во время тотальной войны необходимо некое минимальное число спасшихся. Сила и жизнеспособность нации лежит не в конкретных человеческих единицах, а в ее «ноу-хау» – то есть в накопленных знаниях и методике их применения.

Это было сказано с большой помпой, вдохновенно, округло и вызвало немало одобрительных кивков с самых разных сторон. Его речь приравнивали по значению и отчетливости формулировок к знаменитой Фултонской речи Черчилля – декларации холодной войны, оглашенной несколькими десятилетиями раньше.

⁵ «Земля же была бесформенна и пуста» (нем.). В каноническом переводе эта фраза звучит чуть иначе, загадочнее. Приводим ее полностью: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною». (Бытие 1:2.)

⁶ Layer – слой (англ.).

Согласно теории Люфтойфеля, коль скоро всеобъемлющие банки информации упрятаны под землей на глубине нескольких миль, то они сохранятся при любом ходе событий. А раз они не погибнут ни при каких обстоятельствах, то «все наши американские непреходящие ценности, в том числе и непримиримая ненависть к известным врагам, сохранятся в веках, ибо могут быть легко усвоены через любой промежуток времени новопришедшими поколениями, начало которым положит горстка выживших».

На деле же у «новопришедших поколений» нет ни средств, ни досуга добраться до подземных шахт, где собраны сокровища информации, потому как у этих людей есть забота поважнее – об этой заботе Люфтойфель позабыл в своих расчетах. Элементарная проблема: прокормиться. Именно нехватка пищи подхлестывает такие опасные странствия между очагами цивилизации – они предпринимаются для расчистки новых участков для земледелия, для изыскания способов защитить растительность и скот в условиях отравленной окружающей среды. Все интересы нынешних людей вращаются вокруг свиней, коров и овец, вокруг зерновых и бобовых, капусты и морковки – вот те «американские непреходящие ценности», которые вышли на первое место. Нет дураков корпеть над извлечением патриотических идеалов из таких эпических стихотворных благоглупостей, как уитьеровские «Занесенные снегом»...⁷

– А я вам скажу так, – ворчливо произнес Маккомас, – никуда своего богомаза не посылайте. И вообще поручите работу над фреской человеку с полным комплектом конечностей. Уверю вас, все будет шито-крыто. А этот ваш увечный на дурацкой коровьей упряжке проедет от силы сотню миль, а потом упрется в бездорожье, грохнется в канаву – и путешествию конец. Не воображайте, что вы оказываете ему великую услугу, Хэнди, делаете избранником и все такое. На самом деле вы просто посылаете безрукого-безногого бедолагу на верную гибель – а ведь он, признаться, недурно владеет кистью...

– Недурно! – возмутился отец Хэнди. – Да он самый талантливый художник среди Служителей Гнева! Только недалекие люди могут называть его богомазом.

«Закороченные», докрасна раскаленные глаза Маккомаса зловеще уставились на отца Хэнди. Он тщетно искал хлесткие слова для ответа на подначку.

Но тут Или сообщила:

– К нам припожаловала мисс Рей.

– О-о! – протянул отец Хэнди и немного растерянно заморгал. Ибо именно Лурин Рей была тем существом, кем отец Хэнди невольно поверял все доктрины Служителей Гнева. И выводы бывали очень тревожными и противоречивыми.

Вот она идет, рыжеволосая и такая легкотелая, что ему иногда кажется – стоит ей захотеть, и она без усилия взмлет в небеса... Всякий раз, когда отец Хэнди неожиданно видел Лурин Рей, в его голове мелькала мысль о ведьме – уж очень *воздушная* она особа. Лурин Рей пешком, считай, не ходит – вечно верхом появляется. Может, это создает обманчивое впечатление *надземности* – хотя женщина она атлетического сложения и в ней мало от порхающего эфемерного создания. Видать, кости у нее полые, как у птицы, оттого и походка такая прыгуче-легкая. В который раз он объединял в своих размышлениях женщин и птиц. Недаром в песенке ловца птиц поется: «Для щебетуний сеть соъем, а там, глядишь, мы сеть спроворим, чтоб женушку себе словить или хотя б милашку». Глядя на нее, отец Хэнди всякий раз ощущал, как в нем просыпается что-то козлиное, греховное – в глубине своей природы он обнаруживал шевеление грубо-плотских, дурных инстинктов.

Прискорбный факт, спору нет. Однако он привык к этому всплеску плотских эмоций. Говоря по совести, он наслаждался обществом Лурин Рей – ну да, наслаждался, чего себя обманывать.

⁷ Джон Гринлиф Уитьер (1807–1892) – американский поэт. В «Занесенных снегом» детально, с большой теплотой воссоздан патриархальный быт Новой Англии времен первопоселенцев.

– Доброе утро, – приветствовала его Лурин. Потом она заметила Доминуса Маккомаса, которого терпеть не могла, и наморщила носик и лицо – часть веснушек забежала в морщины. Вся она состояла из оттенков светло-рыжего: что волосы, что кожа, что губы, которые сейчас искривились презрительной усмешкой.

Стоя спиной к Маккомасу, она скорчила физиономию и насмешливо заголила свои зубки – маленькие и ровненькие. Такие аккуратные режущие штучки, а не целая дробильня во рту, как у некоторых. На иную посмотришь – и вспомнится, что ее прашуры такими же зубищами раскусывали доисторические семена с кожурой почти каменной твердости.

Есть зубы массивные, созданные для перемалывания пищи. Не зубы, а жевательные жернова. У Лурин же легкие, *кусательные* зубы. Она не ест, она *пощипывает* – или клюет. А впрочем, он не знает – только догадывается. Ничего он о ней не знает, ибо опасается приближаться к ней и приглядываться, вечно кладя между собой и ею непреодолимую дистанцию.

Совокупность догматов церкви Служителей Гнева естественным образом приводила к августинскому⁸ взгляду на женщину, к которому подмешан страх перед мнимо слабым полом; на это накладывались исступленные догмы ярчайших еретиков разных времен – манихеев⁹, французских альбигойцев¹⁰ и катаров¹¹, которые сходились в мнении, что всякая баба есть сосуд дьявольский. Однако во времена этой философской нетерпимости к женщине трубадуры и рыцари не переставали славить и обожествлять Прекрасную Даму. *Domina*¹² – такая соблазнительная, полная жизненного начала... даже те *dominae* из Каркассона, те безумицы, что носили сердца своих умерших возлюбленных в небольших коробочках, украшенных драгоценными камнями.

А вспомнить рыцарей-катаров, которые дошли до такой глупости – или кретинизма? – как высушивать кал своих возлюбленных и возить с собой по свету в эмалированных коробочках!.. Это почти извращенное поклонение женщине и любви вообще было жесточайшим образом искоренено папой Иннокентием III – и, вероятнее всего, поделом.

Но надо отдать должное: невзирая на некоторые перехлесты, альбигойские рыцари-поэты знали истинную цену женщины. Она не слуга мужчине и даже не «слабый пол», происшедший из ребра Адамова и столь падкий до соблазна. Женщина – это...

«Да, это хороший, серьезный вопрос, на него с кондачка не ответишь, – думал отец Хэнди, поставив стул для Лурин и наливая ей кофе. – Скажем, в этой легкокостной двадцатилетней вертушке, веснушчатой, рыжеволосой, с «интересной» бледностью лица наличествует некое высшее достоинство. Достоинство такое же надмирное, безусловное, высшее, как у *mekkis* самого Господа Гнева. Но в чем заключается это достоинство? Не в *mekkis*, не в *macht*, не во власти. Скорее в неизбывной загадочности. Следовательно, дело в присутствии некоей гностической мудрости, за оболочкой столь хрупкой, столь восхитительной скрыт колодезь некоего знания... должно быть, рокового знания. Это занятно – выходит, истина может быть самым неотторжимым имуществом. Женщине введома истина, она живет с ней и ею – и тем не менее эта истина ее не убивает. Однако для окружающих эта истина смертельна – когда женщина извергает ее из себя».

⁸ Блаженный Аврелий Августин (354–430) – христианский теолог и церковный деятель, один из «отцов» христианской церкви.

⁹ Манихейство – религиозное учение. В основе – дуалистическая борьба добра и зла, света и тьмы как изначальных и *равноправных* принципов бытия.

¹⁰ Альбигойцы – участники еретического движения на юге Франции в XII–XIII вв.

¹¹ Катары – приверженцы ереси XI–XIII вв. Считали материальный мир порождением дьявола, осуждали все земное, призывали к аскетизму. Многие взгляды альбигойцев почерпнуты из вероучения катаров.

¹² *Domina* – на латинском языке значит и «женщина», и «властительница». Множественное число: *dominae*.

Тут отцу Хэнди припомнилась вещая Кассандра, греческие жрицы – дельфийские оракулы. Дрожь страха пробегала по его спине всякий раз, когда он думал о женщине, несущей в себе роковую истину.

Однажды вечером, после нескольких глотков вина, он сказал Лурин:

– Ты несешь в себе то, что апостол Павел нарекал «жалом».

– Жало смерти есть грех, – тут же вспомнила Лурин.

– Вот именно, – кивнул отец Хэнди.

И сие жало заключено в ней, но для нее безвредно, как для змеи – ее собственный яд... как для атомной боеголовки, находящейся в хранилище, – ее собственный заряд... Что нож, что меч имеют два конца – рукоять и лезвие. Гносис – знание – женщина держит за безопасный конец, за рукоять, всегда готовая пустить его в дело. Вот она взмахивает разящим концом – и по стальному лезвию, чудится отцу Хэнди, бегут искры отраженного огня...

Но в чем, собственно, заключается грех для Служителей Гнева? Разве что в выборе конкретного оружия. На ум сразу приходят неврастеники и явные психопаты из ныне отошедших в небытие корпораций и правительственных органов. Теперь все они покойники. Инженеры, чертежники, изобретатели, чиновники, вершители судеб всех рангов и степеней... из всех уже растет травка. То, что они сделали, было, несомненно, грехом. Но ведь они не ведали, что творили. Сказал же Христос – Господь той, ветхой секты – о своих мучителях и убийцах: «Прости им, отче, ибо не ведают, что творят». Не знанием, а *отсутствием знания* вошли эти люди в историю, – они, распявшие Сына Божьего, делившие одежды Его, бросая жребий, и коловшие его под ребра на кресте.

По мнению отца Хэнди, в трех местах Библии, которую он внимательно читал вопреки запрету Служителям Гнева изучать христианские священные тексты, сосредоточивалась истина: а именно, в Книге Иова, в Книге Екклесиаста и в увенчании библейской мудрости – Посланиях апостола Павла к Коринфянам. На сем христианство себя исчерпало. Ни Тертуллиан, ни Ориген, ни Августин, ни Фома Аквинский, ни даже божественный Абельяр – на протяжении почти двух тысяч лет никто не добавил ни йоты к исходному знанию.

«А теперь, – думал отец Хэнди, – мы обладаем *конечным знанием*. Катары подходили к истине ближе прочих, угадали ее важнейшую составную – что не добро правит миром, что мир находится целиком и полностью во власти супостата, врага рода человеческого – словом, во власти зла. Они не сумели развить эту мысль и угадать все до конца – хотя в Книге Иова все уже содержится. Они не сообразили, что сам якобы Всемилостивый, добрый Бог – и есть Господь Гнева, средоточие всемирного зла, которое правит миром».

– Помните, как шекспировский Гамлет окоротил Офелию? – ворчливо сказал Маккомас рыжеволосой девушке. – «Сомкни уста свои и в монастырь ступай».

Лурин, попивая кофе, прошептала простодушнейшим голоском:

– В монастырь, где вы настоятелем, – с превеликим удовольствием!

– Смотрите, какова! – возмущенно обратился Маккомас к отцу Хэнди.

– Вижу, вижу, – вкрадчиво согласился тот. – Вижу, что вам не подвластно заставить человека быть таким или другим согласно вашему волеию. В людях есть неотменимая онтологическая природа.

Маккомас насупился и спросил:

– Это что за зверь такой?

– Онтологическая природа, – с медовыми интонациями в голосе пояснила Лурин, – другими словами, врожденный характер человека. То, что мы есть на самом деле. Эх вы, невежа и деревенщина на Божьей службе! – Повернувшись к отцу Хэнди, она обронила: – Я приняла окончательное решение. Принимаю христианство. Буду ходить в их церковь.

Маккомас хрипло расхохотался – грубо, утробно. Так бы, наверно, смеялся динозавр своим животным нутром.

– А что, разве в округе сохранилась хоть одна христианская церковь? – отсмеявшись, спросил он.

– Они такие добрые, жалостливые, – сказала Лурин.

– А куда им деваться, – возразил Маккомас, – надо же людей к себе заманивать. Мы в отличие от них не жалеем. Люди приходят к нам за защитой! От Него.

Тут он ткнул большим пальцем вверх. На самом же деле это был нелепый жест. Ибо Господь Гнева – в своей нечеловеческой ипостаси, то есть не в облике Карлтона Люфтойфеля, в коем он являлся на Землю, но в качестве духа-mekkis, – обретается повсюду. Вверху, справа, слева, внизу – везде. И в могиле, куда нам всем суждено рано или поздно сойти.

Последний и самый страшный противник, узнанный апостолом Павлом, – смерть – все же в итоге торжествует. Апостол Павел жил и умер, так ничего и не добившись.

И вот сидит рядом двадцатилетняя девица, Лурин Рей, попивает кофе и хладнокровнейшим образом объявляет, что присоединяется к христианам – уходит в эту дискредитировавшую себя, ветхую и дышащую на ладан секту, идеалы которой безнадежно увяли. Собственно, христианство – пережиток прошлого. Оно уже явило свое гнилое, хилое и гнусное нутро.

Ибо разве не христиане придумали все это оружие массового уничтожения? Разве не потомки тех, кто с постными рожами распевал сладенькие лютеранские псалмы, создавали на заводах германских картелей дьявольские орудия, применение которых показало истинное лицо христианского, с позволения сказать, Бога?

На самом деле смерть не противник, не главнейший враг, как ее изображал апостол Павел. Смерть есть сбрасывание оков и избавление от Бога Жизни – от Deus Igae, от Господа Гнева. Лишь умерев, можно освободиться от Него, правящего миром живых. Только смерть избавляет.

Да, Бог Жизни, оказывается, и есть Бог Зла. И единственный Бог. Земля – Его мир, и единственное царство. А мы, все мы, суть Его слуги. Все сотворенное нами на протяжении многих тысяч лет, все навороченное нами на протяжении многих тысяч лет – это по Его велению, согласно Его приказам. А наградой нам было то, что лежало в Его природе и было сущностью его приказов, – Iga. То есть Гнев. Зло велел творить – и жестоко «наградил» отличившихся.

Но вот сидит девчушка по имени Лурин. И опять все теории поруганы. Опять концы с концами не сходятся...

Позже, когда Доминус Маккомас, приволакивая ноги, засеменял прочь по своим делам, отец Хэнди спросил Лурин:

– Почему?

Лурин пожала плечами.

– Люблю добрых людей. Мне по душе святой отец Абернати.

Отец Хэнди угрюмо воззрелся на нее.

Джим Абернати был священником местной шарлоттсвилльской христианской церкви. Доктор богословия. Препоганый человечиска. К тому же и на мужчину этот Абернати мало похож. Больше напоминает кастрата – вполне может участвовать в гонках мерингов, по выражению из филдинговского «Тома Джонса».

– И что он тебе дает? – спросил отец Хэнди. – Учит искусству самоутешения? Дескать, думайте о хорошем, и все уладится само собой...

– Нет, – возразила Лурин.

Тут вмешалась Или и прокаркала:

– Да просто она спит с ихним прихожанином! Ну, с Питом Сэндзом. Да ты его знаешь – молодой совсем, а плешивый, и рожа в прыщах.

– У него стригущий лишай, – поправила Лурин.

– Ты бы достала ему фунгицидной мази, что ли, – предложила Или. – Пусть втирает в волосы. А то подхватишь от него.

– Нужен ртутный препарат, – сказал отец Хэнди. – Купи у странствующего разносчика товаров. Стоит примерно пять американских серебряных полудолларов...

– Сама знаю! – зло огрызнулась Лурин.

– Полюбуйся на нее! – сказала Или.

Он и сам видел. Характер!

– Да, он не gesund ¹³, – кивнула Лурин.

Пит Сэндз не входил в число прямых жертв войны, чье здоровье было подорвано или тело изувечено – как, скажем, у массы «неполных людей», то есть безруких и безногих. Но он был из числа кранкеров – людей с поврежденным здоровьем. Совершенно очевидно: голова странноватой формы, отсутствие волос, рябой, прыщавое лицо.

«Возвращаемся к англо-саксонским крестьянам с изъеденными оспой рожами, – с неожиданной злобой подумал отец Хэнди. – Неужели это ревность?»

Или сказала Лурин, выразительно кивнув в сторону своего мужа:

– Отчего бы тебе не спать с ним? Он, по крайней мере, gesund.

– Ой, да что вы говорите! – воскликнула Лурин обычным тихим голосом, в котором, однако, как дальний гром, рокотала злость. Когда Лурин сердилась по-настоящему, все ее лицо вспыхивало, а сама она сидела неподвижным каменным истуканом.

– Да я не шучу! – сказала Или громким визгливым голосом, забирая с каждым слогом все выше.

– Ради бога! – взмолился отец Хэнди, пытаясь успокоить вдруг взъерепенившуюся супругу.

– А чего она сюда приперлась? – уже почти орала Или. – Объявить, что отрекается от нашей веры? Да начхать нам на нее. Пусть себе переходит хоть в магометанство!.. А вздумает шурухаться с этим недоноском Абернати – на здоровье! Только какой он мужик – одно название!

Яростный тон ее слов досказал все, что она недосказала. Бабы это умеют – есть у них такое врожденное искусство: одним тоном передать то, на объяснение чего мужчина затратил бы два воза слов. Мужчины могут только хмыкать и ворчать, как тот же Маккомас, или выражают свои эмоции невразумительным коротким хихиканьем, как сам отец Хэнди. Скудненькие средства самовыражения.

Стараясь, чтобы его слова прозвучали как речь умудренного жизнью человека, отец Хэнди спокойно спросил Лурин:

– Хорошо ли ты обдумала свой поступок? Ты делаешь необратимый шаг. Ты зарабатываешь на пропитание тем, что прядешь и шьешь, а потому зависишь от заказов членов нашей общины. А община отвернется от тебя, ежели ты подашься к этому Абернати...

– Существует же свобода совести! – сказала Лурин.

– Ох, и повернется же язык! – почти простонала Или.

– Послушай, – произнес отец Хэнди. Он ласково взял ладони девушки в свои и продолжил терпеливым тоном: – Нет нужды переметываться к христианам и принимать их вероучение только потому, что ты спишь с Сэндзом. «Свобода совести», на которую ты ссылаешься, есть также и свобода не принимать чуждых тебе взглядов. Понятно? Ну же, дорогая, будь умницей, пораскинь мозгами.

Ей было двадцать. Ему – сорок два. А внутри он ощущал себя на все шестьдесят.

¹³ Здоровый (нем.).

Держа ее ладони в своих, он видел себя старым немощным бараном, существом хилым, ветхим, отжившим... И внутренне съежился, представив себя со стороны именно таким – бес- сильным маразматиком. Но он все же продолжал свою речь:

– Они верили в своего добренького Господа без малого две тысячи лет. Но теперь мы знаем, что они заблуждались. Господь существует, но он... Да что мне тебе объяснять, ты сама знаешь. Даром что была еще ребенком во время войны, но ты не могла не запомнить мили и мили золы – все, что осталось от бесчисленных погибших... Невообразимо, как ты можешь – в здравом уме и твердой памяти, не кривя душой, не поступаясь ни разумом, ни моральными принципами, – принимать учение, которое учит, что *добро* сыграло решающую роль во всем происшедшем! Тебе понятен ход моих мыслей?

Лурин не вырывала своих рук из его рук. Но сидела, как каменная. Если бы не тепло ладоней, он бы решил, что держит покойника – до того она была неподвижна, зажата. Наконец ее неестественная, покойничья окаменелость вызвала в нем невольную брезгливость – и он отпустил ее руки.

Она сразу же занялась недопитой чашкой кофе. Внешне ее движения были исполнены покоя.

– Что я вам скажу, – произнесла Лурин ровным голосом, – никто из нас не сомневается, что председатель Комитета по разработке новых видов энергии Карлтон Люфтойфель действительно существовал. Но он был человек. Просто человек. Никакой не Бог.

– Это была лишь оболочка человека, видимость человека, – сказал отец Хэнди. – Сотворенная Господом. По образу и подобию Его, если использовать вашу христианскую терминологию.

Она молчала. Ей было нечего возразить.

– Дорогая моя, – сказал отец Хэнди, – верить в устарелые догматы Ветхой Церкви – значит бежать от правды. Бежать от настоящего. Это мы, *наша* церковь пытаемся жить в настоящем, в этом мире, смело взирая в лицо происходящему и бесстрашно оценивать происшедшее. Мы честны перед собой. Да, говорим мы, все живое находится в руке безжалостного, злобного божества, которое не успокоится, пока не сотрет нас с лица Земли: одного за другим, одного за другим – или всех скопом. Но чтоб никого не осталось! Было бы славно верить в Бога смерти, но, увы, увы...

– А может, Бог смерти и существует! – вдруг перебила его Лурин.

– Это кто же? Плутон? – рассмеялся отец Хэнди.

– А ну как Господь разрешит нас от мук? – спросила она твердым голосом. – Я попробую найти такого Бога в христианской церкви. Как бы то ни было... – Она быстро стрельнула глазами в сторону священника – такая маленькая, решительная и миловидная – и заранее покраснела, прежде чем произнести то, что произнесла: – Не желаю я обожествлять психопата и бывшего высокопоставленного чиновника. Это то, что я называю неразумием. Это... – Лурин взмахнула руками, ища нужное слово. Потом закончила тихо, будто саму себя пыталась убедить: – Это неверно.

– Однако Он живет, – сказал отец Хэнди, – и это факт.

Она подняла на него растерянные и полные грусти глаза.

– Как ты знаешь, – продолжил священник, – мы намерены поместить на фреске в церкви Его портрет. И для этого посылаем иконописца, талантливого художника, дабы он нашел Его. В нашем распоряжении есть карты... Да, можешь назвать это крайне прагматичным подходом в делах религиозных. Абернати так и заявил мне однажды. Но скажи мне пожалуйста, что он прославляет? Ничто, фук! Докажи мне обратное!

Отец Хэнди с силой ударил кулаком по столу.

– Ну, – нисколько не оробев, ответила Лурин, – может, все это...

– Прелюдия? Прелюдия к истинной жизни, которая грядет? Да ты сама-то всерьез веришь этому? Послушай, голубушка, апостол Павел верил, что Христос вернется на Землю еще при его жизни, что «Царство Божье» на Земле наступит уже при нем – то есть в первом веке нашей эры. *И оно что, наступило?*

– Нет, – выдохнула девушка.

– Все, что ни писал, ни говорил и ни думал апостол Павел, – все зиждилось на заблуждении. А вот мы строим свою веру на фактах. Нам достоверно известно, что Карлтон Люфтойфель представлял на Земле Господа – и явил нам истинную сущность Бога, которая оказалась ужасной, мерзкой. Тому свидетельство во всем, что тебя окружает, – в каждой горсти праха, в каждой развалине. Четырнадцать лет своей жизни ты наблюдаешь проявления черной натуры Господа. Кругом только мерзость, мерзость и мерзость! Был бы у нас тут хоть один психиатр, он бы тебе открыл глаза, он бы сказал, чем ты занимаешься. То, что ты делаешь, называется бегством от реальности!

Отец Хэнди замолчал, обессиленный своей речью.

– А спать ей приходится – с Сэндзом! – ввернула Или.

Ответом ей было молчание. Ведь то, что она сказала, – тоже голый факт. Факт – это сущность, ее словом не отодвинешь, не скроешь. Факт можно опровергнуть только большим фактом. Ни Лурин Рей, ни Ветхая Церковь таким фактом не обладают. У них лишь набор красивых слов, вроде «вечера любви», «всепрощение», «милость», «вечное спасение».

Отец Хэнди веско сказал:

– После того как человек пережил оружие массового уничтожения, глобальную рассредоточенную бомбу и прочие прелести, он более не может доверять просто словам и жить одними словами. Понятно?

Лурин кивнула. Выглядела она потерянной, смущенной и очень несчастной.

Глава 3

Во время войны было произведено изрядное число различных наркотических веществ поражающего действия. Во всеобщем послевоенном хаосе кто-то где-то отыскивал остатки этой дряни. Питер Сэндз проявлял живой интерес к подобным наркотическим веществам, потому что они – или хотя бы некоторые из них – обладали кое-какими достоинствами, даром что создавались как оружие против врага: лишали человека воли, нарушали пространственную ориентацию, дурманили сознание и т. п.

Уж как там на самом деле – неизвестно. Однако Сэндз верил, что если обращаться с подобной наркотой осторожно, брать малые дозы, принимать эти яды в особой последовательности, то можно добиться эффекта обычных наркотиков, не рискуя протянуть ноги. Скажем, малые дозы нарушали пространственную ориентацию, но обостряли общую чувствительность, давали чувство полета. Зелененькие метамфеты, ярко-красные таблетки всяческих «...зинов», белые плоские диски кодеина, еще какие-то крохотные желтые фигурки – в зависимости от силы их действия Сэндз делил их когда пополам, когда на четыре части. У него имелся тайный склад с широчайшим набором наркотиков, о котором он не говорил никому. По мере сбора своей коллекции Сэндз активно экспериментировал.

В глубине души он был уверен, что так называемые галлюцинации, вызываемые некоторыми из этих наркотиков (он не уставал напоминать себе, что годны для употребления лишь некоторые из его находок), – так вот, на самом деле это не галлюцинации, а прорыв в иные слои реальности. Одни из этих слоев его пугали, другие казались вполне приятными.

Как ни странно, ему нравилось попадать именно в пугающие слои реальности. Сам он предполагал, что длительное пуританское воспитание пробудило в нем мазохистские наклонности. Так или иначе, Сэндз предпочитал осторожненько применять те вещества, которые ненадолго швыряли его в царство ужасов. Заходить слишком далеко или оставаться слишком долго он не хотел – достаточно время от времени как бы в щелочку заглядывать в это царство ужасов.

Тут он был в чем-то похож на своего отца. Питер помнил, как однажды, еще до войны, отец опробовал электрошоковую машину в парке аттракционов: бросаешь десятицентовик в щель, берешься за две ручки и начинаешь потихоньку разводить их в стороны. Чем больше разводишь, тем сильнее разряд. В итоге определяешь, какое напряжение можешь вынести до того, как отпустишь ручки. Маленький Питер с восхищением глядел на папу – залитое потом лицо натужно покраснело, но он только сильнее сжимает ручки – и расстояние между ними медленно и неуклонно растет.

Конечно же, машина была непобедима.

Отцу в итоге пришлось отпустить ручки – вскрикнув от уже совершенно невыносимой боли. Но пока он боролся с непобедимой машиной, он был восхитителен. Разумеется, он слегка рисовался перед своим восьмилетним сынишкой – и действительно произвел на мальчика огромное впечатление своей силой воли и выносливостью.

Сам Питер прикоснулся к ручкам на полмгновения и в страхе шарахнулся прочь – он бы и секунды такого ужаса не вынес! Тем больше он восхищался выдержкой отца.

Но склад смертельно опасных наркотиков, принадлежавший повзрослевшему Питеру Сэндзу, был под стать бессмысленному единоборству его отца с электрошоком. Питер, с тщательностью и осмотрительностью алхимика, дозировал и смешивал свои сокровища. Он никогда не принимал наркотики в одиночестве. Всегда рядом должен быть кто-то, кто сможет в пожарном порядке запихнуть ему в рот стандартное противоядие – фенотиацин, если «путешествие» уведет Питера слишком далеко – ввысь или вглубь или куда оно там уводит...

– Наверно, я долбанутый, – как-то признался он Лурия Рей в порыве искренности.

Тем не менее свои опыты Сэндз не прекратил. Он неизменно осматривал товар всякого бродячего торговца, проходившего через Шарлоттсвилль. Находил нужное – и покупал. Его и без того большие фармацевтические запасы постоянно пополнялись новинками: он уже научился с одного взгляда определять примерный состав любой таблетки, любой капсулы, даром что ассортимент был огромный, и непосвященные просто терялись. А Питер запросто определял или угадывал производителя, назначение и состав большинства таблеток и капсул. В этом вопросе он стал ходячей энциклопедией.

– Если ты понимаешь, что у тебя на этом крыша поехала, тогда брось это! – сказала ему Лурин.

Но он бросать не хотел, потому что у него была цель. Он не просто одурманивал себя. Он искал. Искал нечто. Ему казалось, что лишь тоненькая перегородка отделяет его от чего-то важного, значительного. И Питер стремился с помощью своих опасных препаратов проломить эту перегородку – или отодвинуть тяжелый занавес – и прорваться к важному...

По крайней мере эти рациональные доводы он приводил себе в пользу продолжения экспериментов. «Стал бы я валандаться с этими галлюцинациями, – говорил он себе, – если бы не имел в виду высокой цели!»

Ведь опыты приносили мало приятного: иногда он испытывал острейший страх и полное помутнение рассудка, часто – депрессию, а изредка – даже приступы вызванного химией кровожадного буйства.

Чего же он взыскует так упорно? Наказания?

Он думал об этом часто и всякий раз отвечал: «Нет». Он не стремился изуродовать себя, разрушить свой организм, навредить своей печени или почкам. Перед применением каждого нового вещества Сэндз прилежно прочитывал вложенные в коробочки описания состава и способа применения, внимательно изучал список возможных побочных эффектов. И, уж конечно, он не хотел становиться буйным и в приступе психоза поранить или убить кого-нибудь. Скажем, ту же милую бледненькую Лурин. Однако...

Свою мысль он пояснил Лурин следующим образом:

– Мы способны зреть Карлтона Люфтойфеля – для этого нам достаточно наших органов чувств. Но мне чудится, что существует реальность иного порядка, которую не увидишь невооруженным глазом. Что-то вроде того, как мы, к примеру, не воспринимаем ультрафиолетовое и ультракрасное излучение – что не мешает этим излучениям невидимо существовать...

Лурин слушала его, свернувшись калачиком в кресле напротив и покуривая алжирскую трубку, сделанную из корня верескового дерева. Она набивала эту трубку довоенным давно пересохшим голландским плиточным табаком.

– Чем гробить себя этими «колесами», – сказала она, – ты бы лучше придумал инструменты для регистрации наличия иных слоев реальности – или что ты там ищешь. Куда проще считать информацию с приборов. И безопаснее.

Она постоянно боялась, что Питер однажды не вернется из своего наркотического «путешествия». Ведь, говоря по совести, эти наркотики вовсе и не наркотики, а оружие нервно-паралитического воздействия, которое должно вызывать необратимые неврологические и метаболические нарушения в организме человека, – причем точный механизм разрушительного действия был зачастую неизвестен даже самим производителям... Вдобавок на каждого человека эта дрянь воздействует по-своему, что только усугубляет опасность.

– У меня нет ни малейшего желания считать показания каких-то приборов, – ответил Сэндз. – Мне не фиксация факта нужна. Мне необходимо... – Он поискал нужное слово, потом закончил с энергичным жестом: – Мне необходимо самому пережить!

Лурин тяжело вздохнула.

– В таком случае не торопи события, – сказала она. – Сиди и жди. Оно придет когда-нибудь.

– Меня «когда-нибудь» не устраивает, – возразил он. – Я ждать не могу.

Потому как по эту сторону могилы без усилия в иной слой реальности не проникнуть.

Смерть была врагом, которого Служители Гнева восславляли и почитали спасением, высшей милостью. Но в то же время Служители Гнева, будучи теми, кто не погиб во время войны, не очень-то логично воображали себя Избранными, некоей элитой, которую их Господь Гнева помиловал.

Питер Сэндз очень хорошо улавливал эту логическую ошибку в философских построениях Служителей Гнева.

Если Господь Гнева был злым Богом, как о том твердили исповедовавшие Его веру, *то Он бы оставил в живых не самых добрых, а самых порочных!* Стало быть, согласно их же логике, Служители Гнева – самые мерзкие люди на Земле. Подобно самому Карлтону Люфтойфелю, они оставались в живых, ибо были настолько дурны, что им было отказано в целительном бальзаме смерти.

Эти сумасшедшие выкрутасы логики раздражали Питера. Поэтому он снова занялся таблетками, разложенными на столе его небольшой комнаты.

– Ладно, – вздохнула Лурин, – если ты такой упрямый, скажи мне, *что именно ты пытаешься отыскать?* Должен ты как-то представлять то, что ищешь! Или хотя бы представлять его ценность. Ведь ты к тому же потратил уйму серебра на эти опасные разноцветные фиговинки – бродячие торговцы дерут три шкуры за каждый пустяк... Объясни мне – и, может быть, я сегодня вечером присоединюсь к тебе. У меня так паршиво на душе.

Сегодня она объявила отцу Хэнди, что намеревается перейти в христианство. Но она пока ни словом не обмолвилась об этом решении ни Питеру, ни Абернати. Это было характерно для нее – сидеть между двух стульев... тянуть резину и не принимать окончательного решения.

Лоб Пита бороздили морщины. Он пытался ответить на вопрос Лурин предельно четко:

– Однажды я видел то, что называют *der Todesstachel*. По крайней мере твой дружок отец Хэнди и этот иконописец Тибор назвали бы эту штуку именно так. Они обожают немецкие теологические термины.

– Что значит этот «*Todesstachel*»? – спросила Лурин. Слово она слышала впервые, хотя знала, что его первая часть «*Tod*» обозначает «смерть».

Пит ответил с мрачной торжественностью:

– Жало смерти. Но тут есть тонкость. Сейчас увидишь. Жало обозначает такую штуковинку, через которую пчела или иное насекомое впрыскивает свой яд в тело другого живого существа. Но это современное значение слова, в старину слово « жало » понимали иначе. Скажем, когда во времена короля Якова ученый философ переписывал фразу из Библии: «Смерть, где твое жало?» – в его восприятии она звучала совсем иначе... Как бы это поточнее... Ага! Звучала она так: «Смерть, где твой *укол*?» Тогда слово « жало » значило то же, что сейчас «укол» в сочетаниях испытать «укол совести» или «укол самолюбия», ощутить «укол гордости». Словом, получить удар кончиком чего-нибудь острого, копьеобразного. В прямом и переносном смысле. К примеру, в старину про дуэлянта не говорили: «Он уколол своего противника шпагой». Говорили: «Он *ужалил* своего противника шпагой». То есть апостол Павел не имел в виду, что смерть жалит, подобно скорпиону – жалом в хвосте, из которого впрыскивается жгучий яд. Он имел в виду, что смерть *пронзает*.

Апостол Павел имел в виду то, что сам Сэндз понял во время очередного эксперимента с наркотиками.

Дело происходило в маленькой комнатке Лурин. Питер принял какую-то гадость, которая сделала его предельно агрессивным. Он метался по Луриной комнатке и крушил все и вся. А когда девушка попыталась остановить его, сделал уж и вовсе невероятное – поднял на нее руку. И вот в этот-то момент, когда он ударил ее, он был ужален – ужален в старинном смысле

слова, то есть ощутил укол, как будто его тело пронзил остроконечный кинжал – зазубренный, как острога, которой рыбаки убивают очень крупную рыбу, попавшую к ним в сети.

Едва ли за всю жизнь Питер испытал более острое физическое ощущение – оно было реальнее реального. Когда «острога» вошла в его тело, он сложился вдвое от чудовищной боли. Лурина, которая до этого то присаживалась, то отскакивала, ускользая от его кулаков, остановилась как вкопанная. Она поняла, что ему совсем нехорошо, и позабыла об опасности.

Казалось, эта острога – металлический зазубренный крюк на длинном-предлинном древке, конец которого уходит аж в Небеса. Корчась от нестерпимой боли, Пит все же заметил в то жуткое мгновение Тех, Кто держал тот, дальний конец копья, на миг ставшего мостом между двумя мирами – земным и небесным. Это были три существа с глазами, вроде бы излучавшими тепло, но совершенно бесстрастными. Они не стали проворачивать острогу в его теле. Они просто не отпускали ее до того момента, пока он, медленно продравшись сквозь чашу боли к обыденной реальности, не очнулся окончательно. Это-то и было целью «пронзения» – пробудить его от сна, заставить очнуться от того сна, коим спит все человечество и от коего все, согласно слову апостола Павла, однажды в мгновение ока пробудятся. «Говорю вам тайну, – сказал апостол Павел, – не все мы умрем, но все изменимся – вдруг, во мгновение ока, при последней трубе»¹⁴.

Но что это была за боль! Адская! Неужели лишь боль такой силы способна пробудить его? Неужели каждому из нас предстоит испытать подобное страдание? Неужели это зазубренное копьё когда-нибудь еще раз вопьется в его плоть? О, как он этого страшился!.. И в то же время сознавал, что те трое, Святая Троица, были правы, причиняя такую адскую, невыносимую боль. Это необходимое действие. Ибо должно пробудить его. Все же, все же...

Сейчас он достал книгу, открыл ее и стал читать вслух для Лурины, которая любила, когда ей что-нибудь читали – впрочем, недолго и без декламации. Не называя автора, Питер прочел небольшое простенькое старинное стихотворение.

Прясть мне, матушка, нету моченьки.
Все во рту горит, изболелись рученьки.
Ах! кабы ведать тебе всю боль мою,
Что из тела вынимает душу самою.

Захлопнув книгу, он спросил:

– Ну, как тебе?

– Ничего.

– Сафо. В переводе Лендора. Наверное, сам придумал большую часть – восстановил из «обрывка фрагмента». Но мне напоминает трогательную сцену из первой части гетевского «Фауста» – Гретхен за прялкой.

Ему вспомнилось: «Meine Ruh ist bin. Mein Herz ist schwer. – Покой меня покинул. У меня тяжело на сердце». Занятое совпадение чувств. Знал ли об этом Гете? Стихотворение Сафо лучше, потому что короче сцены у Гете. Большой плюс, что стихотворение переведено на английский, – в отличие от этого Служителя Гнева, от отца Хэнди, Пит не получал никакого удовольствия от древних или незнакомых ему языков, даже побаивался их темных глубин. К примеру, мог ли он забыть, какая огромная часть оружия массового уничтожения была произведена в Германии людьми, говорившими на немецком языке!

– Кто такая эта Сафо? – спросила Лурина.

¹⁴ Первое послание к Коринфянам, 15:51.

– Древнегреческая поэтесса. Один из самых утонченных поэтов в мировой истории, – ответил Пит. – Даром что до нас дошли только фрагменты ее произведений. Целиком от античности сохранились лишь третьесортные стихи Пиндара.

Говоря это, он разглядывал свои запасы таблеток. Какие принять сегодня? В какой комбинации? С чем сделать попытку добраться до иного мира, в существовании которого не сомневался? Возможно, этот загадочный, неведомый мир находится по ту сторону смерти. Как знать, как знать...

– Расскажи мне, – внимательно наблюдая за ним, попросила Лурин, раскуривая дешевенькую алжирскую вересковую трубку, которую она купила у странствующего торговца (хорошие английские трубки ей были не по карману), – про тот раз, когда ты принял метамфетамин и увидел самого дьявола.

Он рассмеялся.

– Что тут смешного?

– Будто ты сама не знаешь, какой он! Раздвоенный хвост, копыта, рожки и вся обычная дребедень.

Но Лурин смотрела на него очень серьезно.

– Я знаю, он не такой. Расскажи мне еще раз.

Пит не очень-то любил вспоминать видение, в котором ему предстал Антихрист, которого Мартин Лютер называл «нашим старейшим лютым врагом». Прежде чем ответить девушке, Пит сгреб в ладонь несколько заранее отобранных таблеток, проглотил их и запил стаканом воды.

– По твоим словам, у него горизонтальные глаза, – сказала Лурин. – Глаза без зрачков. Одни страшные вытянутые белки.

– Да.

– Он застыл над горизонтом. Совершенно неподвижный. Ты говорил, что он вечно в таком положении. Он был слепой?

– Нет. К примеру, он заметил *меня*. И он видит всех нас на протяжении всей нашей жизни. Не спускает с нас глаз. Ждет.

«О-о, как они не правы, эти Служители Гнева, – подумал Пит. – После смерти мы можем оказаться во власти Врага рода человеческого. И тогда смерть окажется – может оказаться – не избавлением, не освобождением, не концом, а ужасом, настоящим порабощением и – лишь началом».

– Видишь ли, дьявол помещается так, что глядит точнехонько вдоль поверхности Земли, словно она плоская, и его взгляд пронзает все пространство, уходя в бесконечность, как лазерный луч. Такое ощущение, что его взгляд ни на чем не сфокусирован – видит все, ни на что не будучи устремлен.

– А сейчас ты что проглотил?

– Нарказин.

– «Нарк» – значит какое-то снотворное. А «зин» – наоборот, стимулянт. Оно что, стимулирует сон?

– Это вещество угнетает функции больших полушарий мозга и активизирует, раскрепощает зрительный бугор – таламус.

Обмен веществ в мозгу человека, функционирование сосудов головного мозга – изучение всего этого было любимым занятием Пита. Он отлично знал, где и что расположено в голове и какую гигантскую роль играет правильное кровоснабжение каждого участка мозга. Достаточно определенной части мозга недополучить крови – порой совсем чуть-чуть количество, – и добрый, милый и отзывчивый человек способен превратиться в ограниченного, подозрительного тирана и подлеца, почти параноика. Вот почему Пит принимал наркотики с такой осторожностью. Он норовил целенаправленно воздействовать на избранные участки мозга. Прежде

всего хотел воздействовать на секрецию своих адреналинопроизводящих желез – и при этом не слишком сужать кровеносные сосуды мозга. Амфетамины как раз сужали сосуды, а потому были весьма опасны. Они способны необратимо разрушить личность человека, который ими балуется.

Три главные фирмы по производству химического оружия массового поражения обнаружили эту особенность амфетаминов еще в шестидесятые и семидесятые годы – и в восьмидесятые годы, по заказу Пентагона, произвели изрядные количества этих веществ.

Но, с другой стороны, метамфетамины подавляли секрецию адреналина, что для некоторых людей являлось сущим благом. Была разгадана природа шизофрении – вслед за природой рака. Доказали, что рак вызывается определенным вирусом, а шизофрения – прямой результат перепроизводства серотонина, с излишками которого мозг не способен справиться. Избыток серотонина приводит к появлению галлюцинаций – настоящих галлюцинаций, хотя граница между галлюцинациями и видениями религиозного характера довольно зыбкая.

– Не понимаю тебя, – сказала Лурин. – Ты принимаешь эти чертовы пилюли, а потом видишь какую-нибудь жуть – скажем, самого Сатану. Или ту страшную острогу, которую Святая Троица вонзила тебе в бок. Несмотря на это, ты повторяешь свои опыты снова и снова. И тебе не надоедает так рисковать, чтобы макнуться носом в дерьмо!

Она смотрела на него не столько с осуждением, сколько озадаченно.

– Мне нужно дойти до истины, – объяснил Пит. – И ничего больше. Проводить опыты и обретать знание – разве не это равносильно «быть», обозначать свое существование в мире? Я хочу быть – во всей полноте слова!

– Кто же сомневается в том, что ты есть! – сказала она. В ней было много практического здравого смысла.

– Послушай, – возразил Пит, – Господь – настоящий Господь, библейский, в Коего мы веруем, а не дурацкий Карлтон Люфтойфель, – этот Господь взыскует каждого из нас. Библия – не что иное, как описание того, как Бог взыскует человека. Не человек взыскует Господа, а Господь ищет человека! Улавливаешь? И я хочу пройти как можно дальше навстречу Господу, чтобы облегчить Ему встречу со мной!

– Но как вышло, что человек и Бог разлучились, потерялись?

Лурин смотрела на него наивно, по-детски распахнутыми глазами, словно ожидала, что он вот-вот расскажет ей всю-всю правду про самое главное в жизни.

Пит таинственно промолвил:

– В результате ссоры, которая произошла в такой седой древности, что суть ее уже позабыта. Ведь началось с того, что Господь поместил человека в таком месте, где мог общаться с ним ежедневно, всечасно, без помех. Господь и человек общались запросто – как ты и я сейчас. Но потом что-то случилось – неизвестно когда и неизвестно что. Господь и человек вдруг как бы свернулись в клубок – каждый замкнулся на себе, как Лейбницева разобщенные и по природе своей неспособные к общению монады или гегелевские «вещи в себе». Господь и человек остались более или менее рядом в пространстве, но каждый из них утратил способность воспринимать что-либо извне. Один из них был поражен некоей формой шизофрении, а именно – аутизмом, то есть полностью замкнулся в своей внутренней жизни, решительно отстранился от внешнего мира – что называется, умер для окружающего мира. А может, они оба разом обезумели и замкнулись, «умерли» друг для друга. А потом...

– А потом человек был изгнан. Не в переносном смысле, а в прямом. Выгнали его взашей, турнули вон из Рая.

– Да, – кивнул Пит, – очевидно, человек сделал что-то нехорошее – или Бог вообразил, что человек сделал что-то нехорошее. Мы не знаем толком, что это могло быть. Так или иначе, человек впал в грех – не то подвигнутый на это своей натурой, не то соблазненный некоей внешней силой, которая не могла быть чем-то иным, кроме как созданием Господа или частью

его Творения. Вот таким образом человек потерял непосредственный контакт с Богом и перестал быть венцом Творения, будучи низведен на уровень одного из созданий Господа. Нам же предстоит пройти этот путь в обратном направлении.

– И ты вознамерился проделать его с помощью таблеток?

Сэндз ответил прямодушно:

– Иного способа, я, увы, не знаю. У меня не бывает *естественных* видений. Но я полон желания пройти весь тот путь, о котором я тебе говорил, дабы встать лицом к лицу с Богом, как человек однажды уже стоял – до того как отрекся от этой привилегии. Я ни на секунду не сомневаюсь в том, что это произошло неспроста: человека что-то поманило – или *кто-то* поманил – прочь от Бога, к иным занятиям. *Человек добровольно отказался от тесных отношений с Богом, будучи уверен, что нашел нечто лучшее.*

Говоря наполовину сам с собой, Питер добавил:

– И вот мы отгородились от Бога, замкнулись на себе – и оказались вместе с Карлтоном Люфтойфелем, глобальной рассредоточенной бомбой и химическим оружием массового поражения.

– Мне нравится мысль, что нас соблазнили, – сказала Лурин. Она опять раскурила свою погасшую трубку. – И всем людям нравится. К примеру, эти таблетки соблазняют тебя. Так что ты продолжаешь поддаваться вечно сущему в мире соблазну. У людей вроде тебя в жилах течет кровь луговых собачек – вы любопытны до потери разума. Достаточно шумнуть возле их норки – и, глядишь, они уже высунули голову, чтобы чего не пропустить. А ну как что-то интересное! – Она задумчиво помолчала, потом продолжила: – Чудо. Вот чего ты жаждешь. Его же страстно желал и тот, первый, в райском саду. До войны это называли «впечатляющим событием». Я называю это синдромом ожидания кролика из любой шляпы. – Лурин усмехнулась собственной шутке. – И вот еще что я тебе скажу. Знаешь, почему тебя так тянет на подвиги? Ты хочешь стать вровень с *ними*.

– С кем?

– Ну, с крепкими ребятами, с героями. Это от высокомерия, от суетного тщеславия. В один прекрасный день человек зыркнул на Бога и сказал себе: «Едрен корень! Почему этот тип Господь, а я вроде как прах у его ног!...»

– И, по-твоему, я сейчас как раз это и делаю?

– Неплохо бы тебе поучиться тому, что Христос называл «кротостью». Могу поспорить, ты и понятия не имеешь, что такое «кротость», что значит «смирять гордыню». Ты помнишь довоенные супермаркеты? Когда кто-либо с тележкой пролезает к кассе впереди тебя, без очереди, а ты смиренно пропускаешь его – это, наверно, и есть твое представление о вершине «кротости». На самом же деле кроткий обозначает «ручной» – как ручной зверь. Или даже дрессированный – да-да, именно дрессированный зверь.

Пораженный ее словами, Питер тихо ахнул:

– Да ну?

– И в это же понятие входит умение проглатывать унижения, бесконечно прощать, бесконечно терпеть. В это понятие кротости входят даже паршивенькие качества – слабость, глупое мягкосердечие. Но если определять очень коротко, то кротость – в корне своем – обозначает утрату агрессивности. В Библии она имеет узкоспецифическое значение; полное прощение причиненного тебе насилия. – Лурин рассмеялась оттого, что у нее все так складно получается. – А ты дурачок! Разводишь туры на колесах, а на самом деле не смыслишь ничего!

– Что-то не заметно, – сухо произнес Пит, – что общение с этим педантом отцом Хэнди сделало тебя кроткой. В любом из множества смыслов этого слова.

Девушка искренне расхохоталась – да так, что чуть не задохнулась.

– О Господи! – сказала она между приступами смеха. – Не хватало нам сейчас подраться из-за того, кто из нас более кроткий! Но, черт возьми, я все же *гораздо* более кроткая, нежели ты!

Лурин продолжала кудахтать и раскачиваться, упиваясь нелепостью их спора.

Но Пит больше не замечал ее. Таблетки начинали действовать, и он весь ушел в себя.

Внезапно он увидел человека со смеющимися глазами. «Это сам Христос», – почему-то сразу решил Пит.

Разумеется, это он! На мужчине с золотисто-пепельными волосами была тога и греческие наголенники. Был он молод, широкоплеч, а на устах его играла ласковая счастливая улыбка. В руках он держал, прижимая к груди, увесистую огромную книгу с застежками. Если бы не характерные античные наголенники, его можно было принять за древнего саксонца – особенно благодаря небрежно постриженным волосам.

«Иисус Христос!» – ахнул про себя Пит.

Белобрысый мускулистый молодой человек – батюшки, да он сложен как кузнец! – отстегнул застежки на книге и раскрыл ее. На двух широких листах протянутой ему книги Пит увидел рукописный текст на каком-то незнакомом языке. Он стал читать: «KAI THEOS EIN HO LOGOS».

Для Пита это была китайская грамота. Слова медленно проплывали перед ним в его видении – написанные вроде бы очень четко, но совершенно непонятные. Какие-то загадочные *koimeitheisometha... keoiesis... titheimi...* Он даже не мог толком понять, что это – какой-то язык? Или просто набор буквенных символов? Или бессмысленная чепуха, характерная для сна?

Белобрысый молодой человек захлопнул книгу – и внезапно исчез. Исчез так, как исчезло изображение с экрана, когда телевизоры еще существовали, – мгновенно и бесшумно.

– Тебе не следует слушать всю эту дребедень! – произнес голос внутри Питовой головы, словно его собственные мысли вышли из-под контроля и начали самостоятельную жизнь, заговорили вслух. – Все эти таинственные письма – только для того, чтобы задурить тебе мозги. Он ведь даже не назвался, этот тип! Да-да, он не счел нужным назвать свое имя!

Но голос шел все же не из головы. Пит обернулся и увидел в воздухе за своей спиной расплывчатые очертания небольшого глиняного горшка, который качался вверх-вниз, как поплавок на воде. Это был неприятный предмет – обожженный, но некрашенный горшок. Сделанный, считай, из грязи, предельно утилитарный, этот предмет поучал его: не благоговей! не разевай рот в почтительном восторге перед непонятным! Питу, который действительно благоговел, эти слова пришлись по вкусу.

– А вот я назовусь, – сказал горшок. – Меня зовут О Хо.

Пит подумал про себя: «Видать, китаец».

– Я сделан из глины и потому несколько не выше обычных смертных, – продолжал горшок по имени О Хо в манере приятельского разговора. – И я не считаю, как некоторые, что назвать себя – значит унижить себя. Ты – Питер Сэндз, я – О Хо. Тот, кого ты видел, тот парень со здоровенным древним манускриптом – это обитающий на берегу Океана Знаний дух ноосферы, прибывший сюда из шумерских времен. Эти духи под именем Терапевтов – «ухаживающих» – помогли греческому богу врачевания Асклепию, коего в Древнем Риме называли Эскулапом. Древним египтянам они были известны под именем Тотов – духов или плазменных сгустков мудрости. Когда же эти духи занимались строительством – а они славились блестящими зиждательными способностями, покровительствовали ремеслам, – они представлялись египтянам в качестве бога Птаха, а грекам – в качестве бога Гефеста. На самом деле у них вообще нет имени, ибо они просто составные вселенского разума. А вот у меня есть имя, как и у тебя. Меня зовут О Хо. Запомнил? Очень простое имя.

– Конечно, запомнил, – сказал Пит. – О Хо. Это китайское имя.

Горшок запрыгал пуще прежнего, его очертания стали расплываться все больше и больше, пока он не исчез совсем. При этом он быстро говорил:

– О Хо¹⁵. Хо О. О-о-о! Эй! Вперед! Ого! О Хо Он! Вспомни о Хо Он, Питер Сэндз, когда тебе случится беседовать с доктором богословия Абернати. Вспомни о сосуде скудельном, о маленьком глиняном горшке, который сделан из праха земного и может быть, подобно тебе, разбит и обращен в прах в любой момент, бессильный пережить род человеческий.

– Хо Он! Вперед, Хо Он! – покорно отозвался Пит.

– Все доброе, не обвиняюсь, называет себя по имени, – произнес уже невидимый О Хо Он – теперь лишь голос, мысль, ментальная составляющая разума Пита Сэндза. – А те, на ком нет благословения Божия, те утаивают свое имя. Мы с тобой похожи, ты и я, мы в некоторых отношениях одно и то же, ибо сотворены из той же глины, Питер Сэндз! Я сказал тебе, кто я; *и я знаю тебя от начала века.*

«Какое глупое имя – О Хо!» – подумал Пит.

Дурацкое имя для брэнного, непрочного горшка. А впрочем, эта штукавина со странным именем ему понравилась – она не смотрела на него свысока, говорила как с равным. И, как ни странно, демократизм горшка был для Пита притягательнее трансцендентальной зауми, темной вязи иноземных слов в той тяжелой книге на застежках. Что проку в непонятных словах? Их смысл был темен, недоступен. Что Питу, что скудельному сосуду О Хо не дано было понять глубины премудрости.

Но тут Пит как-то особенно ясно осознал, *кого* он видел до встречи с горшком. То был Иисус Христос. «Я сразу догадался, кто этот белобрысый. Он выглядел именно так, как *должен* выглядеть Христос!»

– Хочешь еще что-нибудь узнать до того, как я покину тебя? – спросил Пита невидимый горшок – как бы изнутри его головы.

– Скажи мне самую-самую важную вещь – такую, которая важна при любых обстоятельствах. Но только не солги!

О Хо на некоторое время задумался. Потом произнес:

– Святая София возродится. Прежде мир ее не принимал.

Пит непонимающе мигнул. Кто такая эта святая София? С тем же успехом горшок мог сообщить, что святой Витт намеревается снова поплясать... Видать, это глупая шутка...

Горькое разочарование наполнило душу Пита Сэндза. Ну вот все и кончилось – такой же глупостью, как имя этого скудельного шутника. Пит ощутил, что новый знакомый покинул его, – на жалкой бессмысленной ноте.

И сразу же после этого действие наркотиков закончилось. Он больше ничего не слышал и не видел, кроме обычного, бытового. Он обвел глазами свою комнатку: знакомые микрокассеты, проектор, заваленный всякой дрянью пластиковый стол... Потом Пит увидел Лурин, которая курила трубку, ощутил запах прессованного табака... Голова трещала.

Пошатываясь, Пит поднялся. Он знал, что в реальном времени прошло только мгновение – и Лурин со стороны казалось, что ровным счетом ничего не произошло.

А в сущности ничего и не произошло. Она права.

Можно ли назвать событием то, что случилось? Ведь Христос не объявил о себе, не открылся. Впрочем, нечто важное все же случилось – и очень желанное. Познавательные, «проникательные» способности Пита явно увеличились.

– Иисус! – произнес он громко.

– В чем дело? – спросила Лурин.

¹⁵ Имя горшка на английском – О Но. «Но» означает и «эй!», и «ого!», и «вперед!». И сам горшок охотно обыгрывает все значения своего необычного имени.

– Я видел Его, – сообщил Пит. – Он существует. Он всегда присутствует в мире – был и будет.

Пит нетвердыми шагами прошел в кухню, налил себе крохотную порцию виски – от силы граммов двадцать – из драгоценной довоенной бутылки.

Когда он вернулся в комнату, Лурин читала аляповатый журнальчик, отпечатанный на mimeографе, – эти листки жители их горного района бережно передавали из города в город.

– Ну ты даешь! – сказал Питер. – Сидишь себе как ни в чем не бывало!

– А что мне, по-твоему, делать? Разразиться аплодисментами? Визжать от восторга?

– Но ведь это архиважно!

– Ты его видел. Я – нет.

И она снова уткнулась в журнальчик, напечатанный в Прово, штат Юта.

– Но он же присутствует в мире и тебя ради! – сказал Пит.

– Ну и замечательно, – кивнула Лурин с отсутствующим видом: Питер сел. Его мутило, он ощущал убийственную слабость – чертовы побочные эффекты от приема таблеток.

После продолжительного молчания девушка заговорила снова, но с прежним отсутствующим видом:

– Служгнева отсылают иконописца Тибора Макмастера в Странствие. Дабы он отыскал Господа Гнева, запечатлел его образ в своей памяти и нарисовал на храмсте.

– Черт возьми, что такое «храмсте»? Я не понимаю этот ваш нелепый «служгневский» жаргон!

– Храмсте – это настенная храмовая фреска, – кротко пояснила Лурин. – По их мнению, ему предстоит пройти по меньшей мере тысячу миль. Мне кажется, они хотят, чтоб он дошел до самого Лос-Анджелеса.

– А мне-то что! Плевал я на это, – с яростью в голосе сказал Пит.

– Я думаю, – продолжила она, откладывая журнальчик и задумчиво сдвигая брови, – тебе тоже следует отправиться в Странствие. Милях в пятидесяти отсюда ты подрежешь ногу корове, которая тащит тиборовскую тележку. Или закоротишь его метабатареею.

Она говорила совершенно серьезным тоном, взвешивая каждое слово.

– Но чего ради?

– Чтобы он не смог добыть материал для этой фрески.

– Опять-таки меня это никак не колышет!..

Сэндз осекся. Кто-то подошел к двери его жалкого жилища. Сперва послышались шаги, потом залаял Том-Шустрик. Раздался звонок, и Пит поднялся открыть.

За дверью стоял его начальник, доктор богословия Абернати, священник Шарлоттсвилльской Всеобъемлющей Христианской церкви. На нем была черная сутана.

– Извиняюсь. Я не слишком поздно? – Его круглое, похожее на сдобную булку личико выглядело архиблагообразным, когда он осведомлялся, не помешал ли своим приходом.

– Заходите, пожалуйста, – сказал Пит, широко открывая дверь перед священником. – Ведь вы, святой отец, уже знакомы с мисс Рей.

– Благослови вас Господь, – лучезарно улыбнулся Абернати, кивнув девушке.

Она поспешно встала.

– Добрый вечер, святой отец.

– Слышал я, – сказал Абернати, – что вы намерены присоединиться к нашей вере, пройти конфирмацию и принять причастие.

– Э-э... – неуверенно начала Лурин. – Я действительно была... да вы ведь знаете... Словом, я не была удовлетворена – да и кому охота молиться бывшему председателю правительственной комиссии по разработке новых источников энергии!

Абернати прошел на кухню, чтобы вскипятить воду для кофе. Вернувшись, он сказал:

– Мы с радостью примем тебя в лоно нашей церкви.

– Спасибо, святой отец.

– Но чтобы стать прихожанкой нашей церкви, ты должна сперва пройти полугодичный курс интенсивного религиозного обучения. Тебе предстоит изучить множество тем: святыне обряды, таинства, главные догматы нашей религии. Ты узнаешь, во что и почему мы веруем. Я дважды в неделю провожу дневные занятия со взрослыми. – Немного застенчившись, он уточнил: – С одним взрослым. Но ты быстро нагонишь пропущенное – у тебя такой живой, восприимчивый ум. А пока что ты можешь посещать церковные службы... Хотя тут должно быть без обид – до конца обучения ты не вправе подходить к алтарю и причащаться святых даров.

– Да, разумеется, – кивнула она.

– Ты крещеная?

– Я... – поначалу заробела Лурин. – Говоря по-честному, сама не знаю.

– Мы окрестим тебя особым обрядом, который применяем для тех, кто, быть может, уже однажды был крещен. Окрестим водой. А все остальное – розовые лепестки и все прочее, что использовали до войны в Лос-Анджелесе, – не имеет особого значения... Кстати, насчет Лос-Анджелеса, до меня дошли слухи, что Тибор намеревается совершить Странствие. Раз это дошло до моих ушей – стало быть, это не держат в секрете. Опять же по слухам, Попечители Церкви Гнева снабдили его картами, фотографиями и другой необходимой информацией, чтобы отыскать Люфтойфеля. Искренне надеюсь, что его корова не падет в пути.

Заварив кофе и вернувшись в комнату, священник обратился к Питу Сэндзу:

– Как насчет партии в покер? Втроем, конечно, не совсем то, но мы могли бы сыграть по маленькой – на старые медные центы.

– О'кей, – кивнул Пит.

Пока он ходил за колодой и коробкой фишек, Абернати придвинул к столу три стула: самый удобный – для Лурин Рей.

– Только никакой болтовни во время игры! – строго приказал Пит своей подруге.

Когда карты были розданы, снаружи донесся колокольчик коровы, которая тащила тележку Тибора Макмастера. Снаружи было темно, и дорогу перед тележкой освещала ее единственная фара.

Корова остановилась у двери, и Абернати торопливо положил свои карты на стол.

– Пойду открою, – сказал он.

Он вскочил, чтобы впустить внутрь прославленного художника, работавшего на Служителей Гнева.

Сидя на тележке, Тибор Макмастерс наблюдал за игрой и дивился происходящему. Игроки постоянно что-то приговаривали – каждый произносил свой неповторимый набор фраз, которые, как быстро заметил калека, большого смысла не имели – были скорее просто междометиями, шумовым оформлением игры. Все внимание игроков было сосредоточено на картах, однотипные реплики служили средством еще больше углубиться в игру.

Переговорить с христианским священником Тибору удалось лишь во время небольшого перерыва.

– Святой отец, – сказал он, неприятно удивившись нервической визгливости своего голоса.

– Да, я слушаю, – отозвался Абернати, пересчитывая голубые фишки.

– Наверно, вы уже слышали, что я должен направиться в Странствие.

– Слышал, слышал.

Тут Тибор произнес заранее продуманную фразу, каждое слово которой было десять раз взвешено:

– Сэр, если я перейду в христианство, мне не понадобится совершать Странствие.

Беспечный вид разом слетел с Абернати. Он быстро поднял глаза на Тибора, оглядел его цепким взглядом и спросил:

– Вы что, до такой степени боитесь?

Теперь и остальные уставились на Тибора – он ощутил на себе неподвижные изучающие взгляды Лурина Рей и Питера Сэндза.

– Да, – ответил он предельно просто.

– Зачастую, – произнес Абернати, беря новую колоду и начиная энергично тасовать ее, – опасения и страх суть только проявления нашего скрытого чувства вины – весьма косвенное проявление.

Тибор на это ничего не сказал. Он ждал более отчетливой реакции, внутренне приготовившись выслушать любые неприятные слова – и выслушивать их, быть может, довольно долго. Священники – народ странный и весьма болтливый. В особенности христианские священники.

– В вашей Церкви Служителей Гнева, – сказал Абернати, – не существует традиции публичной или тайной исповеди.

– Вы правы, не существует. Однако...

– Я не намерен оспаривать решения вашей церкви или сманивать на свою сторону ее прихожан, – твердым тоном продолжил Абернати – с металлическими нотками в голосе. – Вы служите отцу Хэнди, а стало быть, он волен посылать вас, куда ему заблагорассудится.

– А вы вольны подчиниться ему или оставить службу, – добавила Лурина. – Отчего бы вам просто не уйти со службы?

– Куда мне уйти? – спросил Тибор. – На все четыре стороны? В безвоздушное пространство?

– Христианская церковь, – вещал Абернати, – всегда готова принять в свое лоно любого человека. Вне зависимости от состояния его души и внутренней готовности к глубокому восприятию нашей веры. Достаточно лишь желания принять христианство. Но в данном случае – а сейчас я говорю не от себя лично, а как рупор божественного голоса – я подозреваю, что, открывая двери нашей церкви, я дам вам возможность увильнуть от исполнения вашего духовного долга... Или, если говорить предельно точно, дам вам возможность осознать самому и признаться в том мне, что в глубине души вы пестуете желание увильнуть от исполнения своего духовного долга.

– Но это же долг перед ложным учением! – удивленно запротестовала Лурина Рей. Ее темно-рыжие брови недоуменно взлетели. Она обратилась к Тибору: – Похоже, перед нами проявление солидарности всех священников. Что-то вроде «профессиональной этики».

Она рассмеялась.

– Почему вы не захотели встретиться со мной на исповеди, в храме? – спросил Тибора Абернати. – Вы имеете право исповедоваться мне, даже не будучи христианином. Одно с другим не связано, как подчеркивали отцы нашей церкви.

Тибор лихорадочно соображал, боясь ляпнуть что-нибудь неподобающее, и наконец проронил с предельной осторожностью:

– Я, знаете ли... Словом, я не нашел, в чем мог бы исповедоваться.

– В чем признаться – всегда найдется, – изрекла Лурина. – Святой отец вам подскажет. Даже подхлестнет.

Ни Абернати, ни Пит Сэндз не сказали на это ни слова. Но по тому, как они в унисон молчали, можно было решить, что они согласны со словами девушки.

Тибор подумал: «Наверное, святой отец – профессионал в своем деле, понаторел в искусстве исповедовать. Хорошие адвокаты или доктора умеют разговорить своих клиентов; вот и святой отец мастак вытягивать из души человеческой самое сокровенное. Будет вести потихоньку, направлять, подсказывать. Дойдет до самого потаенного, донырнет до самой глубины твоей души... Пожнет там, где не сеял».

– Позвольте мне хорошенько обдумать это, – произнес Тибор.

От его первоначальной решительности мало что осталось. Планы переменить в христианство, дабы избежать предстоящего вскоре Странствия, сама мысль о котором заставляла шевелиться волосы на голове, – эти планы теперь показались ему опрометчивыми, уступив место жестоким сомнениям, касавшимся самих основ его ренегатского решения. К величайшему изумлению Тибора, то, что виделось ему ловким выходом, было встречено в штыки и признано недопустимым именно тем человеком, которому это решение Тибора больше всех на руку – не считая, конечно, самого Тибора. А почему это было бы так выгодно священнику христианской церкви... ну, это без слов ясно всем присутствующим.

Исповедоваться? Да не ощущал он никакой вины за собой – и жало смерти не маячило перед ним. Все, что он ощущал в последнее время, так это растерянность и страх. И ничего более. Естественно, он жутко и даже патологически боялся Странствия, предпринять которое ему не столько посоветовали, сколько приказали. Но при чем тут скрытая вина, якобы являвшаяся косвенной причиной преувеличенного страха?! Вот они, средневековые логические фортели Ветхой Церкви!.. А впрочем, впрочем... Тибор нехотя признался, что в этой мысли Абернати что-то есть. Хотя – как знать? – быть может, он просто ошарашен неожиданностью этой версии, и она кажется ему верной исключительно благодаря своей неожиданности.

Поскольку мужчины словно в рот воды набрали, Лурин взяла разговор в свои руки.

– Акт исповеди, – очень раздумчиво произнесла она, – имеет странное влияние на человека. Казалось бы, исповедовался, сбросил груз с души, получил отпущение грехов – и грехи себе дальше. Ан нет. Не ощущаешь свободы грешить. На самом деле ощущаешь... ну, как бы это сказать...

Она нетерпеливо взмахнула рукой – дескать, вы сами меня понимаете. Однако Тибор ее не понимал. Тем не менее важно кивнул, будто до него что-то дошло. Кивая, он воспользовался возможностью – самое время, ведь они обсуждают именно этот скользкий и занимательный вопрос, вопрос греховности, – и в миллионный раз присмолился взглядом к высокой полной груди рыжеволосой собеседницы.

На Лурин была усевшая от многочисленных стирок белая хлопчатобумажная блузка, и ее соски, не стесненные лифчиком, остро выдавались через ткань, отбрасывая на стену копьеобразные тени, – и на стене каждый сосок был размером с круглый электрический фонарик.

– На самом деле ощущаешь, – подхватил ее мысль Пит, – что твои дурные мысли и дела *проартикулированы*, то есть выражены в слове. Тем самым они как бы обрели форму, стали осязаемыми. А потому стали как бы менее страшны, ибо превратились – внезапно – в слова. Да, они перешли в форму Логоса... – Подумав, он добавил: – А Логос – это нечто хорошее.

Сэндз ласково улыбнулся Тибору, и того вдруг окатило внезапной волной восприятия всего могущества христианского миропонимания. Душевная боль заметно утихла – в ответ на пролитый бальзам слов. Он ощутил, что устаревшая церковь все еще сильна – если и не своими философскими доктринами, так хотя бы своим умением утешать. Философия христианства – сущий вздор. Но какая другая философия, позвольте спросить, разумна и по-настоящему убедительна? Особенно после той вселенской мясорубки, которой оказалась последняя война.

Опять троица за столом – светская троица, с одной ипостасью женского рода, – занялась досужей игрой в карты. Казалось, с обсуждением насущных, коренных вопросов бытия было покончено. А Тибора сейчас интересовали только эти вопросы.

Но тут Абернати вдруг проронил, поднимая глаза от карт в своей руке:

– Занятно. В моей религиозной школе могут теперь оказаться сразу *трое* взрослых. Вы, Тибор, присутствующая здесь мисс Рей и еще один довольно странный человек, который учится у меня на протяжении некоторого времени. Все вы его хотя бы мельком видели – это Уолтер Блассингейм. Происходит что-то вроде возрождения исконной веры.

Сказал он это довольно бесстрастным тоном, который никак не выдавал его чувств, – быть может, следствие увлеченности карточной игрой.

Тибор громко произнес:

– Erbarme mich, mein Gott.

Он полагал, что, говоря по-немецки, он говорит сам с собой. Но, к его удивлению, Абернати кивнул. Священник явно понял смысл этой фразы.

– Язык «Krupp und Sohnen», – ядовито проронила Лурин. – Язык «I. G. Farben» и «A. G. Chemie». На этом мерзком языке говорили в семействе Люфтойфелей со времен *Адама* Люфтойфеля – точнее, со времен *Каина* Люфтойфеля.

– «Erbarme mich, mein Gott», – поправил ее Абернати, – это не на языке германских милитаристов. И не на языке бесстыжих производителей химического оружия. Это Klagengeschrei человеческого существа – вопль человека о помощи свыше. Сказанное Тибором значит, – пояснил священник Лурин и Питу, – «Спаси меня, Господи!»

– Или: «Будь милостив ко мне, Господь!»

– «Erbarmen», – сказал Абернати, – обычно означает «будь милостив». Но данная фраза исключение – это идиома. Страдания идут не от Бога. А потому бессмысленно просить Бога быть милостивым. Его должно просить о спасении. – Доктор богословия внезапно швырнул карты на стол и энергично промолвил, обращаясь к Тибору: – Завтра утром, Тибор, в десять, в моем кабинете. Мы повидаемся с глазу на глаз, я объясню подробнее касательно таинства исповеди, а затем мы пройдем в храм, где находятся Святые Дары. Разумеется, ты не сможешь преклонить колени, но Господь, думаю, не прогневается на тебя за это. Безногий не способен преклонить колени.

– Хорошо, святой отец, – согласился Тибор. Как ни странно, у него уже сейчас стало легче на душе. Как будто с его манипуляторов-экстензоров сняли непомерный груз, удержание которого пожирало энергию метабатарей, заставляло зловеще дымиться трансформатор, изнашивало сцепление, коржило соленоиды его тележки...

Но до этого момента он даже не знал, что сей непомерный груз существует.

– Три мои королевы, – сказал Абернати Питу, – бьют твои карты. Извини.

Он забрал себе смехотворно маленькие ставки. Тибор обратил внимание, что количество фишек у Абернати неуклонно увеличивается – священник постоянно выигрывал.

– А можно мне сыграть? – спросил Тибор.

Игроки переглянулись с довольно отрешенным видом, словно не до конца осознавали присутствие постороннего в комнате, а уж его вопрос и вовсе недослышали.

– Хотите войти в игру – выкладывайте доллар серебряной мелочью, – сказал Пит. Он бросил фишку на свободное место на столе. – Пусть она символизирует доллар, который вы должны банкомету. У вас имеется доллар? Не бумажный, мы принимаем только монеты.

– Докажи Тибору, что ты говоришь не просто так, – мягко вмешался священник. – Покажи ему, что у тебя есть.

– Пожалуйста, я всегда могу доказать, что не блефую, – сказал Пит. Он запустил руку глубоко в карман и вытащил несколько коричневых бумажных свертков, в которых находились столбики десятицентовых монет.

– Ух ты! – удивился Тибор.

– Я никогда не проигрываю в блэк-джек, – сказал Пит. – Я просто удваиваю ставки, пока не сорву весь куш.

Он развернул коричневую бумагу и высыпал на стол горку монет. Это были серебряные десятицентовики – настоящие, с давних-предавних времен.

– Теперь, когда вы знаете, против каких капиталов предстоит играть, – вам не расхотелось играть? – спросила Лурин Рей, насмешливо поводя рыжими бровями.

Но у Тибора в кармане имелось достаточно денег – тридцатипроцентный аванс за фреску от Церкви Служителей Гнева. До сих пор он не истратил ни цента – ибо опасался, что в один ужасный день придется возвращать аванс, не выполнив по какой-то причине работу. Однако сейчас он залихватским движением манипулятора извлек из кармана шесть серебряных четвертаков. Пока Пит Сэндз подсчитывал количество красных и голубых фишек, которые причитались Тибору за полтора доллара, тот подкатил свою тележку к столу и установил на тормоз на удобном расстоянии. Партия продолжилась – теперь играли вчетвером, а это уже настоящая игра!

Глава 4

Позже, когда хорошенькая рыжеволосая Лурин Рей ушла, а Тибор Макмастерс укатил на своей тележке, влекомой голштинкой, Пит Сэндз решил обсудить свое наркотическое видение с доктором богословия Абернати.

Тот не одобрил его исступленных опытов с наркотиками.

– Если ты не прекратишь баловство с видениями, я в конце концов рекомендую тебе не появляться в церкви и перестану причащать!

– Вы хотите лишить меня допуска к величайшему святому таинству? – ахнул Пит, не веря ушам своим. Похоже, этот невысокий краснолицый немолодой толстячок, вечно держащий голову по-петушиному, сегодня временно не в духе – впрочем, он постоянно слегка угрюм.

– Да-да, – ворчливо продолжал священник, – если у тебя регулярные видения, то тебе совсем не нужно посредничество служителя церкви или спасительная сила святого причастия...

Пит перебил его:

– Хотите я расскажу, как Он выглядит?

– Я и не подумаю обсуждать Его внешний вид! – запальчиво возразил Абернати. – Еще чего! Он не какая-нибудь экзотическая бабочка, о раскраске которой позволительно дискутировать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.